

TERRY
PRITCHETT

TERRY PRITCHETT

Interesting Times
Small Gods

ТЕРРИ ПРАТЧЕТ

Интересные времена
Мелкие боги

Москва
2022

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П70

Terry Pratchett
INTERESTING TIMES

Copyright © Terry and Lyn Pratchett 1994
First published by Victor Gollancz Ltd, London

SMALL GODS
Copyright © Terry and Lyn Pratchett 1992
First published by Victor Gollancz Ltd, London

Разработка серийного оформления *Андрея Стафикова*

Художественное оформление *Дмитрия Сазонова*

Иллюстрация на переплете и форзацах *Джоша Кирби*

Пратчетт, Терри.

П70 Интересные времена; Мелкие боги / Терри Пратчетт ; [перевод с английского С. Увбарх, Н. Берденникова]. — Москва : Эксмо, 2022. — 640 с.

ISBN 978-5-04-111878-5 (оф. 1)

ISBN 978-5-04-097783-3 (оф. 2)

Волшебник Ринсвинд держит путь на Противовесный континент с секретной миссией. Тем временем Коэн-Варвар с Серебряной Ордой приближается к столице Агатовой империи. Горящие кусты бродят по пустыне, заговаривая со случайными прохожими. А церковь Великого Бога Ома ждет обещанного пришествия пророка... вот только дождется маленькую черепашку. Впрочем, и трусливый Ринсвинд едва ли справится со своей миссией. Наступают интересные времена.

Два романа о волшебниках и человеческой природе, настоящих героях и вере в справедливость в неповторимом стиле сэра Терри Пратчетта.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-111878-5 (оф. 1)
ISBN 978-5-04-097783-3 (оф. 2)

© С. Увбарх, перевод на русский язык, 2022
© Н. Берденников, перевод на русский язык, 2022
© Оформление, издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Интересные времена

«Чтоб жили вы в интересные времена».

Одно очень древнее проклятие

Это — боги, которые играют в игры. Игральная доска у них — целый мир, а играют они человеческими жизнями.

Чаще всего выигрывает Рок.

Даже не чаще всего, а всегда. Большинство богов предпочитают кости, но Рок играет в шахматы (или похожие игры), причем в рукаве у Рока обязательно припрятан второй ферзь.

Рок всегда выигрывает. По крайней мере, так принято считать. «О, это был Рок», — обычно говорим мы, когда что-то случается.¹

Боги способны принять любое обличье, и лишь одно в себе они изменить не могут — это глаза. Глаза выдают истинную природу бога. Глаза Рока вряд ли можно назвать глазами — это просто черные дыры, откуда на вас глядит бесконечность с рассеянными в пустоте... кто знает чем — может, звездами, а может, чем похуже.

Прищурившись, Рок одарил противников самодовольной улыбкой — именно так улыбаются победители за пару секунд до того, как стать победителями.

— Первосвященник Зеленой Мантии совершил убийство в библиотеке при помощи обоюдоострого топора, — объявил Рок.

¹ Люди любят выносить однозначные суждения. Возьмем, к примеру, чуда. Если благодаря загадочному стечению обстоятельств кто-то спасается от неминуемой гибели — что обычно говорят? «Он чудом спасся». Но если по капризу не менее загадочного стечения обстоятельств (пролитое именно *тут* масло, подгнившая именно *там* ступенька) человек вдруг погибает... Согласитесь, вполне логично заключить, что это *тоже* было чудо. Факт неприятности происшедшего вовсе не отменяет факта чудесности.

И выиграл.

После чего одарил противников еще одной улыбкой.

— Везет же некоторым, — прогундел сквозь каплющие слюной резцы Оффлер, Бог-Крокодил.

— Похоже, сегодня я питаю расположение к самому себе, — проронил Рок. — Ну, еще партейку? Или во что-нибудь другое перекинемся?

Боги пожали плечами.

— Может, в Безумных Королей? — Рока не покидало хорошее расположение духа. — Или в Несчастных Влюбленных?

— В Несчастных Влюбленных? — откликнулся Слепой Ио, главный из богов. — Никто уже не помнит правил, а руководство куда-то задевалось.

— Тогда, может, в Кораблекрушение?

— В эту ты всегда выигрываешь, — покачал головой Ио.

— А как насчет Засух и Потопов? — не сдавался Рок. — Там совсем легкие правила.

На игральную доску упала чья-то тень. Боги подняли глаза.

— Ага, — произнес Рок.

— Ну что, поиграем? — спросила Госпожа.

Статус этой богини был неизменным предметом споров, причем под сомнение ставилась сама ее божественность. Со всей определенностью можно было лишь утверждать, что поклонение ей еще ни к чему хорошему не приводило и что появляется она только там, где ее меньше всего ждут. И что уповающие на ее благоволение очень редко остаются в живых. Если где-то и возводят ей храм, в него неизменно ударяет молния. Эта богиня — учредитель и единственный держатель акций лотереи «Последний шанс». Некоторые люди предпочитают пройти по канату, одновременно жонглируя топорами, нежели произнести вслух ее имя.

Поэтому чаще всего ее называют просто Госпожа, и глаза у нее зеленые; не такие зеленые, как у людей, а изумрудно-зеленые — от края до края. Поговаривают, будто бы это ее любимый цвет.

— Ага! — вновь воскликнул Рок. — И во что же мы будем играть?

Госпожа села напротив него. Прочие боги обменялись косыми взглядами. Запахло чем-то интересным. Ведь эти двое извечные враги.

— Как насчет... — Она сделала паузу. — Великих Империй?

— О, эту я тевпеть не могу, — нарушил внезапно воцарившуюся тишину Оффлер. — В конце все умивают.

— Увы, — согласился Рок. — Но это же игра. — Он кивнул Госпоже и голосом, очень напоминающим тот, которым профессиональные игроки уточняют правила игры, осведомился: — Падение Династий? Народы, Висящие На Волоске?

— Все включено, — подтвердила Госпожа.

— О, *прекрасно*.

Рок взмахнул рукой над игровой доской. Появился Плоский мир.

— И где будем играть? — спросил он.

— На Противовесном континенте, — ответила Госпожа. — Где на протяжении долгих веков ведут смертельную борьбу пять благородных семейств.

— В самом деле? И что это за семейства? — полюбопытствовал Ио.

Отдельные индивидуумы не вызывали в нем особого интереса. Занимаясь по большей части громами и молниями, Слепой Ио был искренне убежден, что единственная достойная цель, которую может преследовать существо по имени человек, — это как следует промокнуть или, для разнообразия, превратиться в кучку золы.

— Хоны, Суны, Таны, Максвини и Фаны.

— Эти? Кем-кем, а благородными я бы их не назвал.

— Они очень богаты. Ради своей выгоды или просто по причине фамильной гордости они убили и замучили миллионы людей, — объяснила Госпожа.

На данное заявление боги отреагировали торжественными кивками. Спору нет, это воистину благородное поведение. Они, боги, поступали точно так же.

— *Максвини?* — переспросил Оффлер.

— Весьма древнее и почтенное семейство, — кивнул Рок.

— О.

— Эти пять семейств пойдут на что угодно, лишь бы занять имперский трон, — продолжал Рок. — Ну и? Ты за кого играешь?

Госпожа бросила взгляд на раскинувшееся перед ними полотно истории.

— Хоны самые могущественные. Только за время нашего разговора они успели прибавить к своим владениям несколько родов. — Госпожа задумчиво склонила голову набок. — Победа словно предначертана им свыше.

— Стало быть, ты выбираешь семейство послабее?

Рок вновь взмахнул рукой. Появились фигуры. Они задвигались по доске так, словно были живыми — что, впрочем, соответствовало действительности.

— Но, — продолжал он, — чур, играем без костей. Тут я тебе не доверяю. Они у тебя вечно с подвохом. Нет, пусть орудиями в нашей игре будут сталь и тактика, политика и война.

Госпожа ответила согласным кивком.

Рок посмотрел в глаза противнице.

— И каков же твой первый ход? — спросил он.

Она улыбнулась.

— Я уже походила.

Он опустил взгляд на поле.

— Но я не вижу твоих фигур.

— На доске их еще нет, — ответила она.

И раскрыла ладонь.

В ладони ее шепуршалось что-то черно-желтое. Госпожа дунула, и существо расправило крылья.

Это была бабочка.

Рок всегда выигрывает...

В отличие от людей его не сдерживают какие-то там правила.

Как утверждает философ Лай Тинь Видль, хаос именно там процветает, где настойчивее всего ищут порядка. Хаос всегда побеждает порядок, поскольку лучше организован.

А это — бабочка бурь.

Ее крылья слегка более зазубренные, нежели крылышки обычных однодневок. Согласно фрактальной природе вселенной, это означает, что зазубренные края ее крылышек бесконечны — так же как бесконечен любой зазубренный берег. Если измерить его длину на самом последнем уровне, на уровне сверхмикроскопической «малости», то длина эта будет бесконечной — а если и не бесконечной, то, по крайней мере, настолько близкой к Бесконечности, насколько Бесконечность доступна человеческому взору в погожий день.

Как следствие, если края крыльев бесконечно длинны, то сами крылья бесконечно велики.

Конечно, может *казаться*, что своими размерами они ничем не отличаются от обыкновенных крылышек, но так кажется лишь

человеческим существам, которые склонны отдавать предпочтение не логике, а здравому смыслу, пользующемуся среди них столь широкой популярностью.

Квантовая погодная бабочка (мотылекус буреносус) неприметного желтого цвета. Куда больший интерес представляют узоры Мандельброта на ее крыльшках — сложные многоцветные завитки, перемежающиеся странными скоплениями черного в виде сердечек.

Ну а самая выдающаяся особенность квантовых бабочек заключается в их способности управлять погодой.

Предполагается, что эта способность развилась у них в процессе естественного отбора — даже самая изголодавшаяся птица не позарится на кормежку в виде локализованного торнадо.¹ Однако впоследствии эта приспособительная черта превратилась во вторичный половой признак, вроде плюмажа у птиц или горлового мешка у некоторых видов лягушек. «Посмотри на *меня*, — призывает самец, лениво взмахивая крыльями где-нибудь под пологом тропического леса. — Может, по цвету я совсем неприметен, однако недели через две и за тысячу миль отсюда все только и будут говорить о том, что «нетипичные для наших широт бури и ураганы послужили причиной серьезных разрушений».

Это — бабочка бурь.

Вот она взмахивает крыльшками...

А это — Плоский мир, рассекающий межзвездное пространство на спине гигантской черепахи.

Впрочем, ничего странного в его поведении нет. На определенном этапе развития все обитаемые миры примеряют на себя подобную космологическую теорию. Видимо, разумные существа запрограммированы на нее изначально.

В степях и полях, в сочащихся влагой джунглях и раскаленных докрасна молчаливых пустынях, в болотах и тростниковых заводях — одним словом, везде, где при вашем приближении что-то с громким «хлюп» прыгает с ветки, бревна или камня, в некий решающий момент на ранних стадиях развития племенной мифологии разыгрываются бесконечные вариации на тему нижеследующего...

— Гля!

¹ Как правило, около шести дюймов в поперечнике.

— Чиво?

— Вон, хлопнулось с бревна!

— Да? И чиво?

— Я думаю... думаю... типа, *думаю*, что одна из этих тварей может нести на своей спине целый мир.

Зависает молчание — собеседник пытается охватить умственным взором великую астрофизическую гипотезу, а потом...

— Чиво, весь мир? Это как?

— Ну, я... это... Ну, не одна из них, ясен перец, а какая-нибудь большая, *здоровущая*.

— Да уж точно не маленькая.

— Типа... по-настоящему большая.

— Гм, по-моему, я понимаю, к чему ты клонишь.

— Логично, правда?

— Логично-то логично, только вот...

— Че?

— Да так... Просто... Хочется думать, то есть вроде как надеешься, что та, *здоровущая*, не «хлопнет».

И тем не менее именно так устроен Плоский мир. И в его устройстве присутствует не только черепаха, но и четыре гигантских слона, на спинах которых неспешно вращается гигантское колесо мира.¹

А еще на Диске есть Круглое море — приблизительно на полпути между Пупом и Краем. Вокруг него расположились страны, которые, как утверждают историки, и составляют цивилизованный мир — то есть тот мир, который может позволить себе содержать историков: Эфеб, Цорт, Омния, Клатч и расползшийся во все стороны город-государство Анк-Морпорк.

Однако наша история начинается в совсем другом месте. И что же мы видим? Человек лежит на плоту, в голубой лагуне, под солнечным небом. Руки человека закинута за голову, и, судя по всему, он счастлив — в его случае состояние необычайно редкое, можно сказать, практически беспрецедентное. Он благодушно насвистывает что-то веселое, болтая ногами в кристально-чистой воде лагуны.

¹ Некоторые интересуются, как такое может быть. Оно же *вращается* — спины слонов должны быть все в ожогах! Но с таким же успехом можно задаваться вопросами типа: «Почему земная ось не скрипит?», «Куда уходит любовь?» или «Какой звук издает желтый цвет?»

Ноги у него розовые, с десятью пальцами, похожими на коротенькие пухленькие поросячьи хвостики.

Хотя, с точки зрения крадущейся вдоль рифа акулы, они больше походят на завтрак, полдник и обед.

Всегда есть протокол. А еще тщательно соблюдаемый этикет. Ну и вежливое благоразумие. Не говоря уже о дармовой выпивке. То есть якобы вы польстились на дармовщинку.

Теоретически лорд Витинари, как верховный правитель Анк-Морпорка, мог в любой момент призвать пред свои светлые очи аркканцлера Незримого Университета. А вздумай тот ослушаться, казнить его на месте.

Однако Наверн Чудакулли, как глава основного учебного заведения на Диске, выпускающего в большую жизнь волшебников, дал понять — вежливо, но недвусмысленно, — что *он*, со своей стороны, легко может превратить *его* (на том же самом месте) в небольшую амфибию из семейства лягушачьих и остаток своей жизни *он* проведет, весело поквакая и бодро прыгая по комнате.

Спиртное помогало перекинуть мостик через эту дипломатическую пропасть. Время от времени лорд Витинари приглашал аркканцлера во дворец для дружеской беседы за бутылкой хорошего вина. И разумеется, аркканцлер приходил — просто потому, что не прийти было бы проявлением *невежливости*. Такое положение дел всех устраивало, все вели себя пристойно, и не было ни брожения в умах, ни мокрых пятен на ковре.

Стоял прекрасный полдень. Лорд Витинари сидел в дворцовом саду, несколько раздраженно наблюдая за бабочками. Его слегка оскорбляло то, как эти беззаботные существа порхают себе и в ус не дуют, а ведь от их порхания государству ничего не прибавляется...

Послышались приближающиеся шаги.

— А, это вы, аркканцлер, — оторвался от своих размышлений лорд Витинари. — Так приятно снова вас видеть. Присаживайтесь! Надеюсь, у вас все хорошо?

— Все прекрасно. — Наверн Чудакулли сел. — А у вас как? Со здоровьем все в порядке?

— Лучше не бывает. Погода вроде опять пошла на потепление.

— Вчера был особенно хороший день.

— А завтрашний может быть еще лучше. Во всяком случае, так говорят.

— Ну, мы могли бы помочь кое-каким заклинанием...

— И это правильно.

— Согласен.

— Гм...

— Безусловно.

Некоторое время патриций и аркканцлер наблюдали за бабочками. Слуга принес охлажденные напитки в длинных бокалах.

— Интересно все же, что они там делают... с цветами?.. — нарушил затянувшееся молчание лорд Витинари.

— Это вы о чем?

Патриций пожал плечами.

— Не обращайтесь внимания. Пустяки, просто пришло в голову. Кстати, раз уж вы так удачно зашли, аркканцлер, — заглянули по пути, направляясь по каким-то своим, разумеется, бесконечно более важным делам... Так вот, не могли бы вы оказать мне любезность и ответить на один несложный вопрос: кто есть Великий Волшебник?

Чудакулли задумался.

— Может быть, декан? — предположил он. — Поистине великий человек, столько жрать...

— Чутье подсказывает мне, что этот ответ несколько неправилен, — возразил лорд Витинари. — Контекст наводит на мысль, что «великий» в данном случае означает «самый лучший».

— Тогда точно не декан, — решительно качнул головой Чудакулли.

Преподавательский состав Незримого Университета... Картина, открывшаяся внутреннему взору лорда Витинари, воплощала небольшую цепь округлых холмов в остроконечных шляпах.

— О да, вряд ли декан велик в *этом* смысле, — вслух заключил он.

— Э-э... А могу ли я поинтересоваться, в связи с чем, собственно, возник вопрос?

Патриций положил руку на набалдашник трости.

— Пойдемте, — сказал он. — Думаю, лучше будет, если вы сами все увидите. Лично я ума не приложу, что все это значит.

Следуя за лордом Витинари, Чудакулли с интересом осматривался. Нечасто выпадает случай прогуляться по садам, которые во всех садоводческих книгах упоминаются в разделе «Самые Распространенные Ошибки и Заблуждения».

Их разбил (очень, очень уместный глагол) прославленный (дурная слава — это ведь тоже слава) садовник и на все руки изобретатель Чертов Тупица Джонсон. Благодаря свойственным ему рассеянности и полному незнанию элементарных законов математики его сады как нельзя лучше подходили для любителей острых ощущений.

Есть люди, которые строят, используя скрытые, но благожелательные силы магнитных полей. Так вот, Чертов Тупица Джонсон был совсем иного рода гением. Его произведения неведомым образом приводили в действие некие тайные силы природы. Солнечные часы с колоколами то и дело взрывались, обезумевшая каменная кладка в конце концов покончила с собой, а литые садовые решетки расплавились — пока только в трех местах, но начало было положено.

Патриций провел аркканцлера через калитку, и они вошли в нечто вроде голубятни. Внутри висела скрипучая деревянная лестница. Вездесущие анк-морпоркские голуби¹ приветствовали незваных гостей злобным бормотанием и курлыканием.

— Странное здание, никогда не видел ничего подобного, — заметил Чудакулли, с опаской ставя ногу на лестницу.

Ступеньки отозвались жалобным стоном.

Патриций извлек из кармана ключ.

— Насколько я понимаю, изначально господин Джонсон строил улей, — заметил он. — Однако за отсутствием таких больших пчел мы нашли этому... зданию другое применение.

Он отпер дверь. Они оказались в большом квадратном помещении. На каждой стене было по незастекленному окну. Закрепленные в пустых проемах деревянные распорки с колокольчиками на шнурах, очевидно, предназначались для того, чтобы подавать сигнал, если в «голубятню» заглянет какой-нибудь крылатый посланец.

В центре комнаты на столе сидела здоровенная птица — Чудакулли и не подозревал, что такие бывают. Птица повернулась и уставилась на аркканцлера желтым, похожим на здоровенную бусину зраком.

Патриций извлек из кармана баночку с анчоусами.

— Честно говоря, этого гостя мы никак не ждали, — сообщил он. — Прошлый раз такой посланец заглядывал к нам почти десять

¹ Все анк-морпоркские голуби относятся к совершенно особой породе — голубь одичалый, неуничтожимый.

лет назад. А раньше мы все время держали на льду пару-другую свежих скумбрий.

— Это, случаем, не бесцельный альбатрос? — высказал догадку Чудакулли.

— Он самый и есть, — подтвердил лорд Витинари. — И причем прекрасно обученный. Сегодня вечером отправится в обратный путь. Только подумайте — шесть тысяч миль на банке анчоусов и бутылке рыбьего жира, что Стукпостук, мой секретарь, разыскал на кухне. Поразительно.

— Не понял? — переспросил Чудакулли. — В обратный путь куда?

Лорд Витинари повернулся лицом к аркканцлеру.

— Тут надо кое-что уточнить. О Противовесном континенте даже речи *не* идет, что бы вы там себе ни подумали, — сурово ответил патриций. — Перед вами вовсе *не* тот альбатрос, что, как правило, используется в Агатовой империи для доставки почты. Всем прекрасно известно, что мы с этой таинственной страной не поддерживаем никаких контактов. И эта птица отнюдь *не* первая за много лет, и она *не* принесла нам странное и загадочное послание. Я понятно объясняю?

— Нет.

— Отлично.

— Значит, это вовсе не альбатрос?

— Вижу, вы уловили суть вопроса, — улыбнулся патриций.

Наверн Чудакулли, хотя и являлся гордым обладателем большого и эффективно работающего мозга, чувствовал себя не вполне уютно, когда дело касалось всяких двусмысленностей и околичностей. Он покосился на длинный зловещий клюв птицы.

— А по мне, так самый настоящий альбатрос, демоны его побери, — почесал в затылке аркканцлер. — Вы же только что сами сказали, что так оно и есть. Я, помню, спросил у вас, уж не бесцельный ли альбатрос...

Патриций в раздражении махнул рукой.

— Давайте не будем вдаваться в орнитологические изыскания, — прервал он. — Суть в том, что в почтовом мешке этой птицы мы нашли вот этот листок бумаги...

— То есть вы *не* нашли там этот листок? — уточнил Чудакулли, пытаясь не запутаться окончательно.

— Ну да, разумеется. Именно это я и хотел сказать. В общем,

этот листок совсем не тот, да и вообще не листок, честно говоря. Взгляните-ка.

Он вручил аркканцлеру послание.

— Рисунки какие-то, — заметил Чудакулли.

— Это пиктограммы Агатовой империи, — объяснил патриций.

— Вы хотите сказать, что это *не* пиктограммы Агатовой империи?

— Да, да, само собой, — устало вздохнул патриций. — Вижу, вы истинный знаток дипломатического искусства. Ну и... вы поняли общую картину?

— Вроде бы, — пожал плечами Чудакулли. — А что тут понимать? Клякса, клякса, клякса, клякса и всего одно слово — «Валшебник».

— Таким образом, из этого можно сделать вывод, что...

— С правописанием у него совсем плохо, вот он и перешел на картинку. В смысле тот, кто это написал. В смысле нарисовал.

— Гм, не знаю. Раньше великие визири время от времени присылали нам весточки. Но в последние годы, насколько мне известно, в империи стало беспокойно. Как вы можете заметить, послание не подписано. Тем не менее игнорировать я его не могу.

— Валшебник, валшебник... — задумчиво повторял Чудакулли себе под нос.

— Пиктограммы значат буквально следующее: «Немедленно пошлите к нам Великого...» — начал лорд Витинари.

— ... Валшебника, — словно разговаривая сам с собой, закончил Чудакулли, постукивая пальцами по листку.

Патриций бросил альбатросу анчоус. Птица с жадностью заглотила подачку.

— Имперская армия насчитывает миллион с лишним человек, — многозначительно произнес патриций. — По счастью, тамошним правителям нравится воображать, будто все находящееся за пределами империи не более чем унылая пустыня, населенная всякими призраками и вампирами. Обычно наши дела агатцев не интересуют. Честно говоря, тут нам крупно повезло, поскольку они не только коварны, но и богаты и сильны. Я даже отчасти надеялся, что про нас там вообще забыли. И вдруг вот это. Таким образом, нам нужно как можно скорее отыскать подходящую кандидатуру и забыть обо всей этой истории.

— ... Валшебник... — повторил Чудакулли.

— Может быть, вам стоит передохнуть от своих обязанностей? Развеемся чуток, поглядеть другие страны? — с некоторой надеждой предложил патриций.

— Мне? О нет. Терпеть не могу эту ихнюю заграничную еду, — мгновенноотреагировал Чудакулли. И опять повторил себе под нос: — Валшебник...

— Это слово как-то дурно на вас подействовало, — заметил лорд Витинари.

— Я уже встречал его где-то... Именно в таком вот написании, — откликнулся Чудакулли. — Но никак не могу вспомнить, где именно.

— О, не сомневаюсь, вы это *наверняка* вспомните. Примерно к полднику. И отошлете этого Великого *Валшебника* в империю.

У Чудакулли отвисла челюсть.

— За шесть тысяч миль? При помощи одной лишь магии? Вы вообще понимаете, о чем просите?!

— Свою *просьбу* я прекрасно понимаю, — уверил его лорд Витинари.

— Кроме того, — продолжал Чудакулли, — они ж там... совсем иностранные, с головы до ног. И мне всегда казалось, в империи своих волшебников хватает.

— Тут я не в курсе.

— Но на что им сдался этот *валшебник*?

— Понятия не имею. И меня это не волнует. Найдите кого-нибудь. Тем более вашего племени в Незримом Университете предостаточно.

— Голову даю на отсечение, они замышляют какое-нибудь ужасное заграничное злодейство, — мрачно заявил Чудакулли. Но тут перед его мысленным взором, покачивая многочисленными щеками, всплыло лицо декана. Чудакулли вдруг просиял. — А как вы думаете, им ведь без разницы, какой волшебник, главное, чтоб он был достаточно велик? — словно размышляя вслух, спросил он.

— Это я оставляю на ваше усмотрение. Но сегодня вечером я хотел бы отослать сообщение, в котором будет сказано, что Великий Валшебник уже в пути. После чего обо всем этом деле можно будет забыть.

— Само собой, вернуть его обратно будет нелегкой задачей, — продолжал размышлять Чудакулли. Ему опять вспомнился

декан. — Практически невыполнимой, — добавил он неуместно веселым тоном. — Думаю, мы приложим все силы, но, увы, безуспешно. Испробуем все средства — и ничего у нас не получится. Ничегошеньки!

— Я гляжу, вам не терпится приступить к решению этой крайне сложной проблемы, — заметил патриций. — Что ж, не стану больше вас задерживать, ведь вас ждет не дожидается любимый Университет.

— Но... волшебник... — опять пробормотал Чудакулли. — Оно смутно напоминает мне о чем-то, это слово. Я его точно видел... но где?..

Акула думала недолго. Акулы вообще недолго думают. В целом весь их мыслительный процесс можно выразить знаком «=». Ты это видишь = ты это ешь.

Акула уже приготовилась было стрелой метнуться сквозь воды лагуны, как вдруг в ее крохотный мозг закрался так называемый акулий экзистенциальный ужас — иначе говоря, то есть выражаясь нормальным человеческим языком, сомнение.

Акула знала, что она самая большая акула в округе. Все сомневающиеся в этом либо бежали, либо погибли в неравной борьбе со старым добрым «=». И все же... акула буквально шкурой чуяла, что следом за ней что-то быстро движется.

Акула сделала грациозный разворот, и первое, что увидела, это *сотни* ног с *тысячами* пальцев на них — целую фабрику поросячьих хвостиков!

В Незримом Университете происходило много всякого разного, и, к общему величайшему сожалению, частью происходящего был учебный процесс. Преподавательский состав давно уже признал этот факт, смирился с ним и теперь делал все возможное, лишь бы избежать участия в данном процессе. Однако никто не жаловался, поскольку студенты также не горели желанием образовываться.

Впрочем, система работала прекрасно и, как часто бывает в подобных случаях, обросла своими традициями. Лекции продолжали иметь место, поскольку черным по белому значились в расписании. Ну а факт, что их никто не посещает, был несущественной деталью, не имеющей к делу ровно никакого отношения. Время

от времени кто-нибудь начинал доказывать, что на самом деле лекции вовсе не читаются, однако проверить, правда это или нет, не представлялось возможным, поскольку для проверки лекции надо было посещать, а до этого ни у кого не доходили ноги. В конечном итоге закрепилось мнение (высказанное профессором извращенной логики),¹ что *по существу* лекции проходят, а значит, беспокоиться нечего.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что процесс обучения в Университете осуществлялся древним как мир способом: помещаешь большое количество молодых людей как можно ближе к огромному количеству книг и надеешься, что каким-то невероятным путем хотя бы что-то из последних перетечет в первых. В то время как указанные молодые люди предпочитают «помещаться» как можно ближе к тавернам и всякого рода забегаловкам — по той же самой причине и с той же самой целью.

Была как раз середина рабочего дня. Заведующий кафедрой беспредметных изысканий читал лекцию в аудитории ЗБ, ну а его мирное похрапывание перед камином в магической зале было незначительной технической деталью, которую не станет комментировать ни один человек, обладающий хотя бы каплей дипломатичности.

Чудакулли пнул профессора в лодыжку.

— Ай!

— Прошу прощения, что прерываю твои занятия, профессор, — в голосе Чудакулли явственно слышалась язвительность. — Нужно срочно созвать Волшебный Совет. Где все?

Заведующий кафедрой беспредметных изысканий потер ногу.

— Гм, насколько мне известно, профессор современного русносложения читает лекцию в аудитории ЗБ.² Но где он сейчас, я понятия не имею. А остальные... — Профессор бережно ощупал лодыжку. — Слушай, больно же...

— Немедленно всем. В мой кабинет. Через десять минут, — отрезал Чудакулли.

¹ Л о г и к а — достаточно извращенная штука, просто на Плоском мире наконец-то назвали ее своим именем.

² Это вовсе не ошибка. Все *виртуальные* лекции проходили в аудитории ЗБ. Ни на одном из университетских планов данная аудитория указана не была, зато, как считалось, могла вместить в себя какое угодно количество студентов.

Подобный подход Чудакулли использовал повсеместно и был глубоко убежден в его эффективности. Менее прямолинейный аркканцлер часами блуждал бы по Университету, разыскивая своих подчиненных. Но Чудакулли действовал куда проще: он сваливал проблему на плечи ближнего своего и усложнял этому ближнему жизнь до тех пор, пока все не случилось так, как он, Чудакулли, того желал.¹

Ничто в природе не обладает таким количеством ног. Нет, конечно, есть существа, у которых много *ног*, именно ног, в чистом виде, — взять, к примеру, каких-нибудь склизких извивающихся штуквин, что вечно прячутся под камнями, — но эти ноги не смущают вас множеством ступней и пальцев.

Будь акула чуточку поумнее, она бы сделала кое-какие выводы из увиденного.

Однако тут в игру вступило предательское «=», которое и бросилось вперед.

Это была первая ошибка, которую акула совершила в своей жизни.

Только в данных обстоятельствах одна ошибка = небытие.

В кабинет Чудакулли один за другим, гуськом, тянулись старшие волшебники. Судя по всему, на сегодня все лекции в аудитории 3Б были отменены — к вящему счастью студентов Незримого Университета и несчастью преподавательского состава, который не успел переварить третий завтрак.

— Ну что, все на месте? — наконец спросил Чудакулли. — Отлично. Прошу садиться. Слушайте внимательно. Итак... К Витинари не прилетал альбатрос с Противовесного континента. Он, альбатрос в смысле, не проделывал долгого пути, а следовательно, не доставлял никакого странного сообщения с приказом, который мы не должны немедленно исполнить. Пока все понятно?

Старшие волшебники переглянулись.

— Мне кажется, еще осталась кое-какая неясность в деталях, — высказал общее мнение декан.

— Я выражаюсь дипломатическим языком.

¹ Данной политики придерживаются практически все руководители и верховные боги.

— А ты не мог бы выражаться, э-э, несколько менее дипломатично?

— Нам велено послать на Противовесный континент волшебника, — прояснил ситуацию Чудакулли. — Причем сделать это нужно к ужину. Империи срочно понадобился Великий Волшебник, и мы должны его туда отослать. Кстати. Почему-то слово «волшебник» было написано через «а» — валшебник...

— У-ук?

— Да, библиотекарь, ты что-то имеешь сказать?

Библиотекарь Незримого Университета, который до этого мгновения, положив голову на стол, мирно дремал, вдруг резко выпрямился. Потом оттолкнул стул и, дико размахивая руками для поддержания равновесия, уковылял из кабинета аркканцлера.

— Наверное, вспомнил о какой-нибудь книге, которую слишком задержали, — прокомментировал странное поведение библиотекаря декан. И, понизив голос, добавил: — Кстати, это, конечно, сугубо мое мнение, но человекообразная обезьяна в преподавательском составе вряд ли способствует повышению статуса Университета как волшебного образовательного заведения...

— Да, — бесстрастно отрезал Чудакулли. — Это именно что *сугубо твое* мнение. Где еще ты найдешь библиотекаря, который одной левой ногой повыдергивает тебе все конечности? Люди такое уважают. Совсем недавно глава Гильдии Воров спрашивал меня, не можем ли мы превратить *их* библиотекаря в орангутана. Кроме того, библиотекарь — единственный из всех вас, кто бодрствует больше часа в день. Так или иначе...

— А я все равно не согласен, — заявил декан. — С сугубо моей точки зрения, такое его поведение постоянно ставит нас в неловкое положение. И ведет он себя совсем не так, как подобает порядочному орангутану. Я читал одну книжку, и в ней говорилось, что у доминирующего самца орангутана должны быть огромные защечные мешки. У него есть огромные защечные мешки? Что-то я их не замечал. Не говоря уже о том...

— Закрой рот, декан, — прервал его Чудакулли, — или я не разрешу тебе отправиться на Противовесный континент.

— Я поднял совершенно оправданный вопрос и... Что-что?

— Нас запросили о Великом Валшебнике, — ответил Чудакулли. — Разумеется, я сразу подумал о тебе.

«Как о единственном известном мне человеке, способном сидеть на двух стульях сразу», — мысленно добавил он.

— Отправиться в империю? — задохнулся декан. — Мне? Но там же ненавидят иностранцев!

— Ага. Ты их тоже ненавидишь. На этой почве вы чудесно поладите.

— Но ведь это в добрых шести тысячах миль отсюда! — пропичал декан, лихорадочно выискивая лазейку. — Всем известно, на такие расстояния магия не действует.

— Э-э... По правде говоря, несколько ошибочное заявление, — прозвучал голос с другой стороны стола.

Взоры всех присутствующих устремились на Думминга Тупса, самого юного и удручающе сообразительного члена преподавательского состава. На коленях у Тупса покоился какой-то сложный механизм из деревянных планок.

— Э-э... Думаю, сложностей никаких не возникнет. Раньше считалось, что такой перенос невозможен, но тут все дело в абсорбции энергии и относительных скоростях, а если мы их учтем, то... — Думминг неопределенно развел руками.

На эту небольшую речь остальные члены Волшебного Совета отреагировали озадаченно-подозрительным молчанием, которым, впрочем, встречались все ремарки Думминга.

— Значит, относительные скорости, говоришь?.. — наконец уточнил Чудакулли.

— Да, аркканцлер.

Уставившись на свой громоздкий прообраз логарифмической линейки, Думминг ждал. Он *знал*, что аркканцлер непременно как-то прокомментирует его слова — руководство обязано знать все и разбираться во всем.

— Ничего себе относительные... Моя мать перемещалась быстрее молнии, когда...

— Относительные скорости — это те скорости, с которыми одни предметы перемещаются относительно других предметов, — скороговоркой пояснил Думминг. — И мы довольно легко можем их рассчитать. На Гексе, — он ласково погладил деревянную конструкцию.

— О нет! — Профессор современного руносложения вскочил со своего кресла. — Лично я против. Мы же в этом ничего не понимаем — нам что, больше всех надо?

— Мы — *волшебники*, — возразил Чудакулли. — А следовательно, нам действительно надо больше всех. Или ты предпочитаешь сидеть и ждать, когда тебе все принесут на тарелочке?

— Послушайте, я ничего не имею против того, чтобы вызвать какого-нибудь мелкого демона и попросить его выполнить то или это, — развел руками профессор современного руносложения. — Это нормально. Но чтобы какая-то механическая штукавина думала за нас?.. Мы идем против самой Природы! А кроме того, — тон профессора стал несколько менее зловещим, — в последний раз была куча проблем. Эта адская машинка сломалась, и весь Университет наводнили муравьи.

— Такого больше не произойдет, — возразил Думминг. — Я...

— Кстати, я заметил, ты вставил в свой приборчик бараний череп. Симпатично, — заметил Чудакулли.

— Он необходим для оккультных преобразований, — попытался растолковать Думминг, — но...

— И шестеренок с пружинками явно прибавилось, — продолжал аркканцлер.

— Дело в том, что муравьи не очень хорошо справляются с дифференциальным исчислением, вот я и...

— А что это за странная вихляющаяся штукавина с кукушкой?

— Часы Нереального Времени, — объяснил Думминг. — Абсолютно незаменимы для расчета...

— Так или иначе, все это несущественно, потому что я совершенно не намерен покидать Университет, — встрял в спор декан. — Если уж никак не выкрутиться, давайте пошлем туда какого-нибудь студента. У нас их хоть отбавляй.

— Пудинга сливового порцию вторую, пожалуйста, передайте, добры так будьте! — подал голос казначей.

Совет затих.

— Кто-нибудь понял, о чем это он? — первым нарушил молчание Чудакулли.

Вообще-то, казначей нельзя было назвать сумасшедшим. Просто некоторое время назад он пересек стремнины безумия и теперь, изредка берясь за весла, мирно дрейфовал в тихой заводи

по другую сторону потока. Порой он даже высказывал довольно здравые мысли — со своей точки зрения.

— М-м, это он заново переживает вчерашний день, — объяснил главный философ. — Но в обратном порядке.

— Казначая, вот кого нужно послать, — твердым тоном сказал декан.

— Ни в коем случае! Где он там достанет пилули из сушеных лягушек?

— У-ук!

Вихляющимися перебежками в кабинет ворвался библиотекарь. Он яростно размахивал каким-то предметом.

Предмет был красным — по крайней мере, когда-то, давным-давно, он таковым был. А еще он очень походил на остроконечную шляпу, вот только ее острый кончик куда-то подевался, а широкие поля сильно обгорели. А еще на этой шляпе было вышито какое-то слово. Большею частью блески осыпались, но после них на поношенной ткани остались бледные следы, по которым и можно было определить, что тут некогда было написано:

«ВАЛШЕБНИК»

— Я ж *говорила*, где-то я это слово видел! — воскликнул Чудакулли. — Эта шляпа лежала у тебя на полке в библиотеке, верно?

— У-ук.

Аркианцлер проинспектировал останки шляпы.

— Валшебник... — повторил он. — Насколько отчаявшимся человеком нужно быть, чтобы написать на своей шляпе «ВАЛШЕБНИК»...

Гладкую поверхность воды разорвали несколько громадных пузырей, и плот слегка покачнулся. Через пару мгновений следом за пузырями всплыли ошметки акульей шкуры.

Вздохнув, Ринсвинд смотал удочку и вытащил ноги из воды. Скоро берег украсится еще одним акульим остовом. И что такого *он* в них находит? Лично ему, Ринсвинду, акулье мясо по вкусу напоминало старые, маринованные в моче башмаки.

Ринсвинд взялся за импровизированное весло и направил плот к берегу.

Вообще-то, островочек был очень неплох. Шторма обходили его стороной. Так же как и корабли. Зато на острове было полным-полно кокосовых орехов и росли хлебные деревья. Даже эксперимент с пальмовым вином удался, хотя после этого Ринсвинд пару дней не мог толком ходить. Лагуна служила щедрым источником креветок, устриц, крабов и омаров, а в глубокой зеленой воде рядом с рифом большие серебристые рыбы буквально дрались друг с другом за привилегию проглотить кусок гнутой проволоки на обрывке шнурка. По сути, после шести месяцев, проведенных на острове, Ринсвинду не хватало только одного. До сих пор он ни разу даже не вспоминал об утраченном. Теперь же он думал о нем — точнее, о *ней* — беспрерывно.

Очень странно. Например, в Анк-Морпорке ему и в голову не приходило, что когда-нибудь он будет мечтать о чем-либо подобном. В Анк-Морпорке Ринсвинд не замечал за собой подобных влечений. А ведь там можно было на каждом углу... Спустя шесть месяцев Ринсвинд буквально *сгорал от неутолимого желания*.

Плот ударился в белый песок примерно в тот же момент, когда в лагуну, обогнув риф, вошло большое каноэ.

Чудакулли восседал за рабочим столом, окруженный старшими волшебниками, которые по очереди пытались ему что-то втолковать — что было крайне опасно: обычно аркканцлер впитывал только те факты, которые ему нравились, остальное же отметал как полнейшую чушь и очень злился при этом.

— Значит, — зловеще произнес Чудакулли, — вы уверены, что это *не сыр*?

— Абсолютно уверены, аркканцлер, — подтвердил заведующий кафедрой беспредметных изысканий. — Ринсвинд — это волшебник.

— В некотором роде, — поправил профессор современного руносложения.

— Не сыр... — протянул Чудакулли, упорно не желавший расставаться с полюбившимся ему фактом.

— Нет.

— А на слух — очень даже сыр. Вот сами послушайте: этот ринсвинд настолько нежен, что так и тает во рту...

— *Чертнобери*, никакой Ринсвинд не сыр! — прокричал декан, внезапно выходя из себя. — И не йогурт! И с кислым молоком он не имеет ничего общего! Ринсвинд — бельмо на глазу, вот кто он такой! Позорное пятно на белоснежном покрывале волшебства! Полный дурак! Неудачник! Да и вообще, чего спорить, его никто не видел с того самого... э-э, несчастного случая с чудесником, а лет уже прошло немало.

— Ах да, припоминаю... — по лицу Чудакулли расплылась мерзковатая улыбочка. — И еще припоминаю, что в те дни кое-кто из волшебников проявил себя не с лучшей стороны...

— Увы нам, увы, — поддакнул профессор современного рунослажения и смерил хмурым взглядом декана.

Тот в ответ презрительно вскинул голову.

— Не знаю, как ты, профессор, но я в то время еще не был деканом, а поэтому в событиях не участвовал и знаю о них только понаслышке.

— По-моему, ты уже тогда входил в число старших волшебников.

— О да, но так уж сложилось, что в те дни я как раз навещал тетушку.

— Стало быть, весь город чуть не разнесло, а ты ничего не заметил?

— Моя тетушка, к твоему сведению, живет в Щеботане.

— Насколько мне известно, Щеботан тоже активно участвовал в событиях.

— ... Вернее, *неподалеку* от Щеботана. *В его окрестностях*, если можно так выразиться. А окрестности у Щеботана довольно большие. До самого города еще ехать и ехать вдоль побережья, ну а потом нужно повернуть...

— Ха!

— Зато тебе, как я вижу, известны все подробности случившегося, — голос декана так и сочился ядом.

— Кому? Мне? О нет, я в тот момент был погружен в научные изыскания. Никого не видел, ничего не слышал...

— Половину Университета стерли с лица земли, а ты ничего не слышал?! — Декан вдруг опомнился и торопливо добавил: — Я-то лично при этом не присутствовал, но мне рассказывали. Потом. Когда я вернулся от тетушки.

— Да, но, видишь ли, у моего кабинета очень толстая дверь...

— Так вот, вернулся я и вдруг узнал, что главный философ был здесь, а значит, все видел и, может, даже...

— ... Она обита такой плотной зеленой кожей, ну ничего не слыш...

— Вздремнуть время самое, моему-по.

— *Заткнитесь все, сию же минуту!*

Чудакулли уставился на преподавательский состав чистыми, невинными глазами человека, который от рождения одарен полным отсутствием воображения и который во время пресловутых темных дней в истории Университета действительно находился в нескольких сотнях миль от этого заведения.

— Отлично, — произнес он, когда все затихли. — Значит, Ринсвинд. И, по-вашему, он полный придурок. Итак, дальше. Ты говори, декан. Все остальные — молчать!

Во взгляде декана мелькнула неуверенность.

— Ну, э-э... Я хочу сказать, это лишено всякого смысла, аркканцлер. Он же ни одного заклинания не способен запомнить. Что от него проку? А кроме того, куда бы Ринсвинд ни отправился... — он понизил голос, — *за ним по пятам следует беда.*

При этих словах старшие волшебники сгрудились поплотнее, словно пытаясь спрятаться друг за друга.

— Ну и что с того? — пожал плечами аркканцлер. — Самое лучшее место для беды — сзади. Глядишь, и отстанет. А ты предпочел бы столкнуться с бедой лицом к лицу?

— Аркканцлер, все куда сложнее, — пояснил декан. — У этой *беды* целая сотня маленьких ног, она просто так не отстанет.

Губы Чудакулли по-прежнему были раздвинуты в улыбке, тогда как все остальное лицо аркканцлера вдруг окаменело.

— Декан, может, ты по ошибке выпил пилюли казначея?

— Аркканцлер, я...

— Тогда не пори всякую чушь.

— Ладно, аркканцлер, *хорошо*. Я не буду спорить. Но ты отдаешь себе отчет, что на поиски Ринсвинда уйдут годы?

— Э-э, — вмешался Думминг, — не совсем. Если нам удастся раздобыть магический код Ринсвинда, то Гексу понадобится не больше дня, чтобы...

Декан яростно сверкнул глазами.

— Это не волшебство! — рявкнул он. — Это просто... это какое-то инженерство!

Прошлепав по мелководу, Ринсвинд достал кокос, охлаждавшийся в небольшой тенистой заводи, и ловко сколол его вершину острым камнем. После чего поднес кокос к губам.

Сверху на Ринсвинда упала чья-то тень.

— Э-э... привет? — произнес кто-то сзади.

Все старшие университетские волшебники знали: чем дольше беседовать с аркканцлером, тем больше шансов на то, что хотя бы часть излагаемых вами фактов будет усвоена его разумом.

— То есть вы хотите *сказать*, — в конце концов произнес Чудакулли, — что этого беднягу Ринсвинда преследовали чуть ли не все армии мира, что его кидало и бросало, как горошину на барабане, и что он, вероятно, единственный волшебник на Диске, которому хоть что-то известно об Агатовой империи. Также он может свободно общаться на тамошнем наречии, и в друзьях у него... — Чудакулли мельком сверился со своими заметками, — «странный четырехглазый человечек», выходец из этой самой империи, который и подарил ему ту забавную штуку на ножках, которой все вы так боитесь. Я ничего не упустил?

— Ничего, аркканцлер, — кивнул декан. — Однако еще раз хочу заметить: может, я полный идиот, но я не понимаю, кому и зачем мог понадобиться такой тип, как Ринсвинд.

Чудакулли вновь заглянул в заметки.

— То есть ты все-таки решил вызваться добровольцем?

— Э-э, нет, разумеется, нет...

— Ты привел массу доводов, твоя речь была очень развернутой и обстоятельной, однако... — Чудакулли наградил декана торжествующей улыбкой. — Однако кое-что в ней отсутствовало. А именно — общий знаменатель. Несмотря на все злоключения, парень умудрился выжить. А это талант. Найдите его. И доставьте сюда. Где бы он ни находился. Может, бедняга как раз сейчас участвует в каком-нибудь ужасном приключении.

Кокос даже не дернулся в его руках, но глаза Ринсвинда яростно завращались.

Наконец в поле его зрения вступили три фигуры. Фигуры, по всем признакам, женские. *Обильно* женские. Одежды на них было

не слишком много, и для людей, которые совсем недавно гребли на большом боевом каноэ, вид у женщин был чересчур свежий, как будто они только что побывали в косметическом салоне. Но с прекрасными амазонками часто так бывает.

По бороде Ринсвинда потекла тонкая струйка кокосового молока.

Одна из женщин — судя по виду, главная — откинула назад длинную русую прядь и ободряюще улыбнулась.

— Знаю, в это трудно поверить, — произнесла она, — однако я и мои сестры являемся представителями затерянного племени. Все наши мужчины недавно погибли от смертельной, но краткосрочной и чрезвычайно специфической болезни. С тех пор мы плаваем по островам в поисках мужчины, который помог бы нам продолжить род.

— *Как думаете, сколько он весит?*

Брови Ринсвинда подскочили. Женщина застенчиво опустила глаза.

— Ты, наверное, задаешься вопросом, почему мы светловолосые и белокожие, в то время как у всех остальных жителей этих островов кожа смуглая, — продолжила она. — Но, похоже, это одна из загадок генетики...

— *Фунтов сто двадцать — сто двадцать пять. Плюс пара фунтов на... э-э, одежду, если это можно так назвать.*

— *Извините, что вмешиваюсь, но где этот... ну, сами знаете кто... тот самый?..*

— *Ничего не получится, Думминг, нутром чую. И ты будешь виноват.*

— *Он всего лишь в шестистах милях от нас и на нашей половине Диска. К тому же я уже все просчитал на Гексе — осечек быть не должно.*

— *Вы получите посмотрите... Он такой... с ножками...*

Брови у Ринсвинда заплясали. Из горла послышался удушесный свист.

— *Нет, его я не вижу... Слушайте, кончайте дышать на хрустальный шар!*

— И, разумеется, если ты решишь присоединиться к нам, мы подарим тебе все те чувственные радости, о которых ты только мечтаешь...

— *Отлично. Итак, на счет три...*

Кокос упал и откатился в сторону. Ринсвинд сглотнул. В глазах у него застыло голодное, мечтательное выражение.

— А пюре вы делать умеете? Ну, картошку?.. — только и успел спросить он.

— ДАВАЙ!

Сначала возникло ощущение давления. Мир перед Ринсвиндом вдруг растворился и всосал волшебника в бездонную дыру.

Потом тот же самый мир до предела истончился и сделал «тван-нг».

Мимо, размытое из-за огромной скорости, пронеслось облако. Когда же Ринсвинд решился вновь открыть глаза, то увидел далеко впереди крохотную черную точку.

Точка росла.

Пока не превратилась в плотное облако предметов. Среди них — пара тяжелых соусниц, большой медный подсвечник, несколько кирпичей, стул и огромная бронзовая бланманжетница, отлитая в форме замка.

Все это по очереди врезалось в Ринсвинда, при этом бланманжетница, отскакивая от его головы, издала веселый звон, после чего, виляя в воздухе, растворилась у него за спиной.

А следующее, что он увидел, был октагон. Нарисованный мелом октагон.

Ринсвинд летел прямо в его центр.

Чудакулли уставился на октагон.

— Думаю, до ста двадцати пяти фунтов он немножко не дотягивает, — пробормотал аркканцлер. — Но все равно, отличная работа, господа.

Растрепанное пугало в центре октагона с трудом поднялось на ноги и принялось яростно хлопать себя по бокам, сбивая занявшиеся на одежде огоньки. После чего мутным взглядом посмотрело вокруг и спросило:

— Хе-хе-хе?

— В нынешнем своем состоянии он, должно быть, несколько дезориентирован, — продолжал аркканцлер. — В конце концов, за две секунды проделал больше шестисот миль. Так что не набрасывайтесь на него, для его здоровья это сейчас опасно.

— То есть это как с лунатиками? — уточнил главный философ.

— В каком смысле?

— Ну, моя бабушка утверждала: если неожиданно разбудить лунатика, то у него отвалятся ноги.

— А это *точно* Ринсвинд? — декан недоверчиво поднял бровь.

— *Разумеется*, это Ринсвинд, — подтвердил главный философ. — Мы потратили столько времени, разыскивая его.

— С таким же успехом это может быть какая-нибудь опасная оккультная тварь, — упрямо возразил декан.

— С такой-то шляпой?

Шляпа и впрямь была остроконечная. В каком-то смысле. Своеобразная самодельная остроконечная шляпа, сварганенная из бамбуковых щепок и листьев кокосового дерева в тщетной попытке привлечь проходящее мимо волшебство. Примотанные травой ракушки образовывали слово «ВАЛШЕБНИК».

Хозяин шляпы невидящим взглядом смотрел прямо сквозь волшебников. Вдруг, словно влекомый внезапным воспоминанием о каком-то неотложном деле, рванулся, чуть не упав, из октагона и стремительно направился к выходу.

Волшебники с любопытством последовали за ним.

— Что-то не верится... А она сама видела, как у них отваливаются ноги?

— Не знаю. Об этом она не рассказывала.

— Кстати, казначей частенько бродит во сне.

— В самом деле? Гм-м, а если...

Ринсвинд, если именно так звалась «оккультная тварь», вышел из здания и направился в сторону Саторской площади.

Там было полным-полно народу.

Над жаровнями торговцев каштанами и горячей картошкой заманчиво дрожало жаркое марево, воздух полнился традиционными анк-морпоркскими уличными восклицаниями.¹

«Оккультная тварь» бочком приблизилась к костлявому человеку в огромном балахоне. Тот жарил что-то на маленькой масляной горелке, укрепленной на огромном лотке, который висел у него на шее.

¹ Как то: «Ох!», «Аргх!», «Гони мои деньги обратно, скотина!», а также «И ты называешь это каштанами? Лично я называю это кусками угля, вот как я это называю!»

Предполагаемый Ринсвинд с жадностью вцепился в край подноса.

— К-картошка есть?.. Пюр-ре? — полупрорычал он.

— Картошка? Нет, дружище. Есть сосиски в тесте.

Предполагаемый Ринсвинд застыл на месте. По щекам его потоком хлынули слезы.

— Сосиска в *тесссстте!* — вскричал он. — Старая добрая сосиска в тес в тес в тес в тесте! Дай мне сосисску в *тессссте!*

Схватив с подноса три сосиски, он попытался разом запихнуть их себе в рот.

— О боги! — только и мог выговорить Чудакулли.

Периодически подпрыгивая, странная «оккультная тварь» потрусилась прочь. С ее растрепанной бороды каскадом летели ошметки теста и квазисвиного продукта.

— Ни разу не видел, чтобы кто-нибудь съел три сосиски Себя-Режу-Без-Ножа Достабля и выглядел таким счастливым, — заметил главный философ.

— А я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь съел три сосиски Себя-Режу и после этого так твердо держался на ногах, — сказал декан.

— А я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь съел три сосиски Себя-Режу и не заплатил, — сказал профессор современного русо-сложения.

Предполагаемый Ринсвинд, обливаясь слезами счастья, нарезал круги по Саторской площади. Наконец центробежная сила вынесла его в переулок, где из теней вдруг выступил какой-то невысокий типчик и, примерившись, неуклюже врезал волшебнику по затылку.

Счастливым пожиратель Достаблевых сосисок упал на колени и, обращаясь к миру в целом, возопил:

— Ау!

— Нетнетнетнетнетнет!

Пока коленопреклоненная жертва стонала и охала, из-за угла появился еще один человек, на этот раз довольно пожилой, и сердито вырвал кастет из неуверенной руки подростка.

— Пожалуй, тебе стоит извиниться перед бедным господином, — произнес пожилой мужчина. — И что он теперь подумает? Ты только посмотри на него — на него ведь дунь, и он упадет. Ты хоть понимаешь, что делаешь?

— Мамблмамблмамбл, господин Боггис, — пробормотал мальчишка, глядя себе под ноги.

— И что вообще это было? А?

— Хук Сверху, мистер Боггис.

— *Хук Сверху?* И ты называешь *это* Хуком Сверху? Так вот что такое Хук Сверху! Кто бы мог подумать! Не-ет, — прошу прощения, господин, мы только на секундочку снова поставим вас на ноги, еще раз тысяча извинений, — *вот* что такое Хук Сверху...

— Ау! — заорала жертва, после чего, к общему удивлению, присовокупила: — Ха-ха-ха!

— А то, что сделал *ты*, — еще раз прошу прощения за навязчивость, господин, буквально пару секунд, — *ты* сделал вот *что*...

— Ау! Ха-ха-ха!

— Ну что, ребята, поняли наконец? Давайте, подходите ближе.

Полдюжины мальчишек, озираясь по сторонам, выступили из глубин переулка и сгрудились вокруг господина Боггиса, незадачливого стажера и жертвы. Последняя с трудом держалась на ногах, громко пыхтела и похрюкивала — и тем не менее на лице ее было написано неземное блаженство.

— Итак, — продолжил господин Боггис с видом умудренного опытом мастера, вкладывающего азы своего искусства в головы неблагодарных потомков, — как правильно обработать свернувшего в переулок клиента?.. О! Добрый день, господин Чудакулли, добрый день, господа, я как-то не сразу вас заметил.

Аркканцлер ответил дружелюбным кивком.

— День добрый, господин Боггис. Как проходит обучение? Это новая смена Гильдии Воров?

Боггис закатил глаза.

— Ума не приложу, и чему только их учат в школе! — пожаловался он. — Ничего не умеют, кроме как читать и писать. Вот когда я был мальчишкой, в школе учили *полезным вещам*. Да... Вилкинс, хватит хихикать, сейчас твоя очередь, прошу прощения, господин, мы вас еще потревожим...

— Ау!

— Нетнетнетнетнетнетнет! Моя престарелая бабушка и то ловчее управится! Смотри внимательно: аккуратненько подходишь, потом кладешь руку ему на плечо, да, вот сюда, придерживаешь его... давай, делай, как я сказал... а затем изящненько...

— Ау!

— Кто-нибудь может сказать, что он сделал неправильно?

Пока господин Боггис растолковывал Вилкинсу особенно тон-

кие моменты в обращении с кастетом, Ринсвинд потихоньку отполз в сторонку, неловко поднялся на ноги и с прежним обалделым видом заковылял прочь по переулку.

Волшебники следили за ним заинтересованными взглядами.

— Он плачет, — заметил декан.

— Неудивительно, — откликнулся аркканцлер. — Но почему он в то же самое время ухмыляется?

— Все страньше и страньше, — прокомментировал главный философ.

Избитый и, возможно, отравленный Ринсвинд устремился обратно, к Университету. Сзади хвостом поспевали волшебники.

— Ты, наверное, хотел сказать «все любопытственнее и любопытственнее»? Но даже в этом случае высказывание, честно говоря, не слишком осмысленное...

Ринсвинд миновал ворота, однако на сей раз проскочил мимо главного здания и ринулся напрямик в библиотеку.

Библиотекарь с чем-то вроде самодовольной ухмылки на устах — если, конечно, орангутаны могут самодовольно ухмыляться — уже ждал его, держа наготове выдавшую виды шляпу.

— Поразительно! — воскликнул Чудакулли. — И тем не менее это факт! Волшебник *всегда* возвращается за своей шляпой!

Ринсвинд схватил шляпу, выдворил из нее пару пауков и, отбросив прочь печальное недоразумение из кокосовых листьев, водрузил волшебный убор на голову.

Мигая, Ринсвинд взирал на озадаченный преподавательский состав. Впервые за все это время в голове у него что-то забрезжило — как будто до сих пор он функционировал исключительно на рефлексах.

— Э-э... Я, кажется, что-то съел?

— Три лучшие сосиски господина Достабля, — просветил его Чудакулли. — Под словом «лучшие» я подразумеваю «наиболее типичные», чтобы ты не заблуждался.

— Ясно. А кто меня только что ударил?

— Воры. У воровских подмастерьев практические занятия.

Ринсвинд нахмурился.

— Это ведь Анк-Морпорк?

— Он самый.

— Я так и подумал, — Ринсвинд медленно сморгнул. — Ну что ж, — сказал он, падая лицом вниз, — я вернулся.

Лорд Хон пускал воздушного змея. Этим искусством он владел в совершенстве.

Лорд Хон все делал идеально. Его акварели были идеальны. Его поэтические произведения были безупречны. Когда он складывал лист бумаги, каждая складка получалась идеально и безупречно ровной. Его фигурки из бумаги поражали фантазией, оригинальностью и, конечно, безупречностью. Лорд Хон превзошел всех и вся — а кто был с этим не согласен, тот мигом оказывался в темнице, где сколько угодно мог превосходить лорда Хона.

Лорду Хону недавно исполнилось двадцать шесть, и был он строен, и был он красив. Он носил очень маленькое, очень круглое пенсне в металлической оправе. Описывая его, люди частенько прибегали к слову «гладкий» или даже «лакированный».¹ Своего положения — а он был одной из влиятельнейших фигур империи — лорд Хон достиг только благодаря своему беспримерному рвению, абсолютной концентрации на развитии собственных духовных способностей, а также благодаря шести тщательно спланированным и успешно завершившимся покушениям. Последней его жертвой стал собственный отец, который испустил дух в радостном осознании, что сынок ревностно следует старинным семейным традициям. Почтенные семейства чтит предков и не видели вреда в увеличении (пусть даже несколько преждевременном) их количества.

Воздушный змей — черный, с большими глазами — наконец вынырнул из-за облачка. Что и говорить, траекторию полета лорд рассчитал безупречно. Шнурок змея, покрытый клеем и толченым стеклом, прошел прямо сквозь пару его соперников, разрезав их напополам. Воздушные змеи, оставшись без управления, беспомощно закувыркались в воздухе и упали на землю.

Зрители неподалеку вежливо зааплодировали. Почему-то это считалось благоразумным, аплодировать лорду Хону.

Он передал шнурок слуге, вежливо кивнул прочим участникам соревнования и направился к своей палатке.

Оказавшись внутри, он уселся и посмотрел на своего гостя.

— Итак? — осведомился он.

— Мы отправили сообщение, — последовал ответ. — Нас никто не видел.

¹ А также к фразе: «Редкая сволочь, и лучше от него держаться подальше, но, учтите, я этого не говорил».

— Совсем наоборот, — фыркнул лорд Хон. — Вас видели двадцать человек. Отдаешь ли ты себе отчет, как это трудно для стражника — смотреть прямо перед собой и ничего не видеть, когда мимо него ползет целая толпа, гремя на весь дворец и громким шепотом призывая друг друга к тишине? Честно говоря, я все больше прихожу к мнению, что твоим людям не хватает революционной искры. А что у тебя с рукой?

— Альбатрос укусил.

Лорд Хон улыбнулся. Птица, должно быть, приняла его гостя за анчоус, и не без оснований. Глаза точь-в-точь как у рыбы — скользкие, холодные.

— Я не понимаю, о господин, — отвечал посетитель, которого звали Две Огненные Травы.

— И это хорошо.

— Они верят в Великого Волшебника, и вы *хотите*, чтобы он явился сюда лично?

— Именно. У меня есть осведомители в... — Лорду Хону потребовалось некоторое усилие, чтобы выговорить незнакомые слоги: — В Анк-Мор-Поке. Так вот, тот, которого так глупо величают Великим Волшебником, действительно существует. Но на самом деле прославился он своим непрофессионализмом, трусостью и бесхарактерностью. Можно сказать, стал притчей во языцех. Ну а мы... мы просто помогаем Красной Армии заполучить вождя. Это... повысит их мораль.

Он вновь улыбнулся.

— Политика — дело тонкое, — добавил он.

— О.

— Можешь идти.

Когда посетитель покинул палатку, лорд Хон открыл книгу. Хотя вряд ли ее можно было назвать книгой в полном смысле этого слова: листки бумаги скреплялись шнурком, а текст был не печатным, а написанным от руки.

Он читал этот текст уже много раз. Тем не менее книга не переставала забавлять его, главным образом потому, что автор ухитрился наделать массу ошибок.

Покончив с очередной страницей, лорд Хон вырвал ее из книги и, продолжая читать следующую, ловко сложил листок, сделав из него бумажную хризантему.

— Великий Волшебник... — вслух произнес он. — Воистину. Очень великий.

Ринсвинд проснулся. Он лежал на чистом белье, и никто не орал: «Чего вы возитесь, обыщите его карманы!» Многообещающее начало, отметил он про себя.

Но глаза так и не открыл — на всякий случай, вдруг кто-нибудь поблизости, увидев, что он пришел в себя, тут же начнет осложнять ему жизнь.

До него доносились слегка надтреснутые старческие голоса, которые о чем-то спорили.

— Все вы упускаете самое главное. Он остается в живых, в этом-то все и дело. Вы же сами рассказывали мне про его приключения — и после такого он *все еще* жив?!

— Зато он с головы до ног в шрамах.

— Именно к этому я и веду, декан. Но заметь, большая их часть располагается на спине. Беда следует за ним по пятам, но он оставляет ее за спиной. Кто-то Там, Наверху, улыбается ему.

Ринсвинда передернуло. Он всегда подозревал, что Кто-то Там, Наверху, приглядывает за ним. И, должно быть, улыбается — не доброй такой улыбкой.

— Его даже нельзя назвать полноценным волшебником! На экзаменах он ни разу не ответил больше чем на два процента вопросов, и это был его личный рекорд!

— По-моему, он проснулся, — произнес кто-то.

Ринсвинд сдался и открыл глаза. Над ним склонились бородастые, чрезмерно розовые лица.

— Как дела, дружище? — Одно из лиц протянуло Ринсвинду руку. — Я — аркканцлер. Ты как себя чувствуешь?

— Добром это не кончится, — бесстрастно откликнулся Ринсвинд.

— Что-что?

— Я знаю. Добром это не кончится. Скоро случится что-то ужасное. Я так и думал, все шло слишком хорошо, чтобы и дальше так продолжаться.

— Вот видишь? — торжествуя спросил декан. — Скоро сюда придут сотни ножек. А я *предупреждал*. И почему меня никто никогда не слушает?

Ринсвинд сел.

— Только не надо со мной любезничать, — сказал он. — Не предлагайте мне виноград и всякие там фрукты. Я все равно не поверю, что вы собираетесь использовать меня для чего-то *хорошего*.

В сознании его замелькали беспорядочные воспоминания об очень недавнем прошлом. Жаль, что его мечты и желания той юной дамы не совпадали. Картошка слишком простой, незатейливый овощ, чтобы заинтересовать разгуливающих в подобных одеяниях девушек.

Он вздохнул.

— Ну ладно, что дальше?

— Как ты себя чувствуешь?

Ринсвинд покачал головой.

— Все очень плохо, — сказал он. — Терпеть не могу, когда со мной так носятся. Это обязательно сулит какую-нибудь гадость. Как насчет того, чтобы рывкнуть на меня?

Чудакулли уже был сыт по горло.

— А ну, выбирайся из кровати, несчастный человечиска, и следуй за мной, иначе тебе не поздоровится!

— А-а, так-то лучше. Вот теперь я чувствую себя как дома. Теперь мы перешли к *делу*, — хмуро прокомментировал Ринсвинд.

Он спустил ноги с кровати и осторожно встал.

На полпути к двери, возле которой выстроились остальные волшебники, Чудакулли вдруг остановился.

— Руновед?

— Да, аркканцлер, — голос профессора современного руносложения так и сочился невинностью.

— А что это ты прячешь за спиной?

— Ничего не прячу, аркканцлер, — откликнулся профессор современного руносложения.

— Похоже на какой-то очень большой инструмент.

— Ах, *это*... — Профессор современного руносложения сделал вид, будто только сейчас заметил приличных размеров молоток, зажатый в собственной руке. — Как же оно называется... ах да, молоток! Это ведь молоток, верно? Да, именно так он и называется. Молоток. Я, должно быть, проходил мимо, вижу — валяется, ну я его и... подобрал на ходу. Нужно поддерживать чистоту в Университете.

— А еще должен отметить, — ядовито продолжал Чудакулли, — что в непосредственной близости от декана я наблюдаю боевую секиру, которую ты, декан, упорно пытаешься засунуть в карман.

Со стороны заведующего кафедрой беспредметных изысканий послышалось мелодичное «дзинь».

— А это напоминает звук пилы, — продолжал Чудакулли. — Есть здесь хоть один человек, который не прячет то или иное оружие человеческого труда? Ага, понятно. Тогда будьте так добры, объясните мне, на кой черт вам понадобились все эти штуковины?

— Ха, тебе очень повезло, что ты не встречался с *этим*, — пробормотал себе под нос декан, упорно избегая взгляда аркканцлера. — Раньше, бывало, только повернись спиной... Сразу слышался топот этих чертовых ножек и...

Чудакулли тираду декана проигнорировал. Положив руку на костлявое плечо Ринсвинда, он повел волшебника в сторону Главного зала.

— Ну что ж, Ринсвинд, — миролюбиво промолвил Чудакулли, — мне тут сообщили, что в волшебстве ты не силен.

— Это чистая правда.

— И ты, мол, провалил все экзамены...

— Боюсь, и это правда, провалил все до одного.

— И тем не менее все называют тебя Ринсвиндом-волшебником.

Ринсвинд опустил глаза.

— Ну, я вроде как работал здесь, этим, заместителем библиотекаря...

— Человекообразным номер два, — подсказал декан.

— ... Делал всякую работенку, был на подхвате, туда-сюда...

— *Кто-нибудь заметил, как здорово я пошутил? Человекообразное номер два... По-моему, довольно остроумно.*

— Но фактически ты не имел права называть себя волшебником? — гнул свое Чудакулли.

— С формальной точки зрения, пожалуй что, не имел.

— Ага... Тут-то и кроется проблема.

— Но у меня есть шляпа, и на ней написано «Валшебник», — с надеждой в голосе произнес Ринсвинд.

— Боюсь, это не поможет. Гм-м... Налицо небольшое осложнение. Дай-ка подумать... На сколько ты можешь задержать дыхание?

— Не знаю... Наверное, на пару минут. А это имеет какое-то значение?

— Думаю, да — в контексте перспективы провисеть вверх ногами на опоре Бронзового моста два прилива подряд, после чего быть обезглавленным. К сожалению, именно таково уставное нака-

зание для человека, который пытается выдать себя за волшебника. Поверь, я крайне огорчен. Однако Закон есть Закон.

— О нет!

— Извини. Но тут уж нам не выкрутиться. Иначе повсюду шастали бы всякие типчики в остроконечных шляпах, не имея на эти самые шляпы никакого права. Увы, я ничего не могу сделать. У меня связаны руки. В магическом Законе сказано, что волшебником можно стать, либо закончив, как положено, Университет, либо совершив великое деяние во славу волшебного дела, но в твоём случае, боюсь...

— А нельзя ли просто отослать меня обратно на остров? Мне там так *нравилось*. Там было *скучно*!

Чудакулли печально покачал головой.

— К сожалению, нельзя. Преступление совершалось на протяжении многих лет. И поскольку ты не сдал ни одного экзамена и не совершил, — тут Чудакулли слегка приподнял брови, — повторюсь, не совершил *никакого великого деяния во славу волшебного дела*, я, как это ни печально, вынужден приказать слугообразам¹ взять веревку и...

— Э-э... Насколько помнится, я вроде бы пару раз спас мир. Это как-то свидетельствует в мою пользу?

— А кто-нибудь из Университета был тому свидетелем?

— Нет, пожалуй что нет.

Чудакулли опять покачал головой.

— В таком случае это не считается. Очень печально, потому что, *если бы ты совершил великое деяние во славу волшебного дела*, я бы с радостью оставил тебе твою шляпу — а заодно, разумеется, и то, на чем ее обычно носят.

Вид у Ринсвинда стал совсем удрученный. Вздохнув, Чудакулли решил предпринять последнюю попытку.

— Так что, — начал он, — поскольку ты, по-видимому, так и не сдал экзамены, а также НЕ СОВЕРШИЛ НИКАКОГО ВЕЛИКОГО ДЕЯНИЯ ВО СЛАВУ ВОЛШЕБНОГО ДЕЛА, я вынужден...

¹ С л у г о б р а з ы — слуги (одновременно и носильщики, и дворецкие, и привратники) в Незримом Университете. Славятся своей твердолобостью, не прошибаемой никакими логическими объяснениями тупостью и глубокой убежденностью, что без них Университет провалится в тартары.

— Но... Но я же могу *попробовать* совершить великое деяние, правда? — спросил Ринсвинд тоном человека, убежденного, что на самом деле свет в конце тоннеля — это прожектор приближающегося на всех парах паровоза.

— Попробовать? Гм-м... Эту мысль, безусловно, стоит обдумать.

— И что это может быть за деяние?

— Ну, к примеру, ты можешь найти ответ на какой-нибудь очень древний и важный вопрос, типа... *Черт поберет, а это что за многоногая штуковина?*

Ринсвинд даже не потрудился оглянуться. Он сразу узнал выражение, появившееся на лице Чудакулли, который смотрел ему за спину.

— О, — откликнулся он. — Пожалуй, на этот вопрос я смогу ответить.

Магия — это вам не математика. Как и сам Плоский мир, она следует законам не столько логики, сколько здравого смысла. Но на кулинарию она тоже не похожа. В кулинарии все просто: торт — это торт. Смешайте ингредиенты, запеките их при указанной температуре — и получите торт. Нет такой запеканки, для приготовления которой требуется лунный свет. И нет такого суфле, в рецепте приготовления которого указывалось бы, что белки должна взбивать девственница.

Тем не менее люди, страдающие пытливостью, испокон веков задавались вопросом, есть ли у волшебства какие-либо *правила*. Существует более пятисот заговоров, гарантирующих любовь другого человека, — самых разнообразных, от возни с семенами папоротника ровно в полночь до довольно неаппетитных манипуляций с носорожьим рогом (тут время конкретно не указывается — но, наверное, не сразу после еды). Но что, если (стояли на своем пытливые умы) в процессе анализа всех этих заговоров выявится некий крохотный, на первый взгляд незаметный, но мощный общий знаменатель, некий метазаговор, какое-нибудь элементарное уравнение, помогающее достигнуть требуемого результата более простым путем, — а заодно и все носорожье племя вздохнет с облегчением?

Именно для того, чтобы отыскать ответ на этот вопрос, и построили Гекс — хотя Думминг Тупс не любил слово «построили».

Да, он и несколько студентов посмышленнее собрали Гекс, этого нельзя отрицать, но иногда... гм-м... иногда ему казалось, что некоторые части прибора, как бы странно это ни звучало, просто *возникли из ниоткуда*.

Например, он точно знал, что никто не планировал встраивать в Гекс Лунный Фазовый Генератор, однако данная деталь присутствовала и, судя по всему, являлась важной, неотъемлемой частью прибора. Также они *собрали* Часы Нереального Времени, но никто, похоже, понятия не имел, как эта штуковина работает.

В общем, Думминг подозревал, что тут они столкнулись с ярко выраженным случаем формирующей причинности — эта опасность всегда подстерегает ученого, тем более если он работает в учреждении вроде Незримого Университета, где реальность истончилась до крайности и продувается самыми загадочными ветрами. Стало быть, если его подозрения оправданны, нельзя сказать, что они изобрели, собрали или создали некий прибор. На самом деле они лишь облекли в физические одеяния уже присутствовавшую где-то идею, которая только ждала своего часа, чтобы начать существовать.

Он долго и подробно втолковывал преподавательскому составу Университета, что разумом Гекс не обладает. Это же совершенно очевидно — ну чем Гекс может думать? Прибор был построен по принципу часового механизма, однако большую его часть составлял гигантский искусственный муравейник (Думминг очень гордился этой своей разработкой интерфейса: муравьи бегали вверх-вниз по маленькой замкнутой веренице тележек, а те в свою очередь вращали главную шестерню), и самую важную роль тут играл искусно регулируемый муравьиный поток, который струился по лабиринту стеклянных трубок.

И все же... значительная часть деталей аккумулировалась сама по себе, например аквариум или позвякивающие от движения воздуха колокольчики. А прямо посреди прибора свила себе гнездо мышка — и получила статус арматуры, поскольку, если ее извлекали, Гекс наотрез отказывался работать.

Таким образом, в приборе не было ничего способного думать — разве что о сыре или сахаре. Но иногда, по ночам, когда работа Гекса была в самом разгаре: из трубок доносится шорох — это трудятся неутомимые муравьи, — потом вдруг прибор издает долгий звонкий «блямс», и в соответствующую нишу опускается аквариум, дабы развлекать оператора в долгие ночные часы... — так

вот, в подобные ночи сидящий за Гексом человек невольно начинал задумываться о том, что есть мозг, а что есть мысль и действительно ли машина не способна обладать разумом, а может, мозг это всего-навсего усовершенствованная версия Гекса (или, наоборот, *менее* усовершенствованная — как правило, это сомнение рождалось часа в четыре утра, когда детали часового механизма внезапно меняли направление своего вращения на противоположное, а мышка неожиданно издавала резкий писк), да и вообще, если уж на то пошло, а не устроен ли весь мир подобным образом, а мы в нем — те же муравьи.

Короче говоря и выражаясь простым человеческим языком, Думминг был слегка встревожен.

Он уселся на клавиатуру. Со всеми своими клавишами и рычажками она занимала почти столько же места, сколько и вся остальная, «рабочая», часть Гекса. При нажатии на клавиши досточки с просверленными в них дырками падали в специальные пазы, тем самым направляя муравьев в нужное ответвление стеклянного лабиринта.

Чтобы сформулировать проблему, потребовалось некоторое время, однако в конце концов задача была решена. Думминг уперся ногой в сооружение и потянул за рычаг ввода.

Муравьи побежали по новым маршрутам. Часовой механизм пришел в движение. Приборчик, которого (в этом Думминг готов был поклясться) вчера здесь не было, но который очень смахивал на прибор для измерения скорости ветра, яростно завращался.

И через несколько минут в выходную вагонетку грохнулись несколько кирпичиков с выбитыми на них оккультными символами.

— Спасибо, — поблагодарил Думминг и почувствовал себя полным идиотом.

В приборе ощущалось странное напряжение, словно некая молчаливая воля стремилась к далекой и непостижимой цели. Подобную волю Думминг уже встречал раньше — в желуде. Держишь его в руках и будто слышишь, как крошечный беззвучный голосок произносит: «Да, я обыкновенный желудь, маленький и зеленый, — но мне снятся безбрежные леса».

Не далее как на днях Адриан Турнепс из любопытства, просто чтобы посмотреть, что будет, напечатал «Почему?» и дернул рычаг ввода. Кое-кто из студентов предсказывал, что Гекс сойдет с ума, пытаясь найти ответ на этот вопрос, но Думминг предполагал, что

Гекс выдаст «?????» — сообщение, которое прибор использовал с удручающей частотой.

Но вместо этого после нескольких минут необычно оживленной беготни муравьев прибор, поднапрягшись, выдал следующий ответ: «Потому».

Возбужденные зрители спешно поставили на попа стол и принялись наблюдать из-за него, что же будет дальше. Наконец Турнепс решился напечатать: «Почему вообще?»

Последовало долгое ожидание, затем появился ответ: «Потому что совсем.????? Ошибка В Обращении К Домену Вечности. + + + + Начать Заново + + + +».

Никто из присутствующих не знал, кто такой этот самый Начать Заново и почему он посылает им сообщения. Однако с тех пор никто больше не решался развлекаться подобными вопросами. Никто не хотел рисковать — а вдруг получишь ответ?

Именно вскоре после этого случая в Гексе появились еще две странные штуковины: одна — похожая на сломанный зонтик и обвешанная селедками, а вторая — смахивающая на надувной мяч и сдувающаяся каждые четырнадцать минут.

Магические книги приобретают определенные *личные* качества вследствие той волшебной силы, что скрывается на их страницах. Именно поэтому, посещая университетскую библиотеку, следовало запастись прочной дубинкой. И вот Думминг построил прибор для изучения магии. Волшебники испокон веков знали, что сам акт наблюдения изменяет наблюдаемый объект. Но некоторые из них постоянно забывают о том, что наблюдатель тоже изменяется.

Думминг потихоньку начинал подозревать, что Гекс перестраивает сам себя.

И он только что сказал ему «спасибо». Обращаясь к прибору, который выглядит так, словно его создал страдающий икотой стеклодув.

Думминг посмотрел на выданное Гексом заклинание, торопливо записал его на бумажку и стремительно вышел.

Комната опустела. Гекс продолжал щелкать. Периодически сдувающийся мяч в положенное время сдулся. Часы Нереального Времени перпендикулярно тикали.

В выходном желобе загромыхало.

«Не стоит благодарности. + +????? + + Ошибка, Недостаточно Сыра. Начать Заново».

Прошло пять минут.

— Поразительно, — восхитился Чудакулли. — Груша разумная, говоришь?

Пытаясь заглянуть под дно Сундука, он опустился на колени.

Сундук попятился. Он привык вызывать ужас, страх и панику. До сих пор мало кто испытывал к нему интерес.

Аркканцлер встал и отряхнулся.

— А-а, — произнес он, увидев, что к ним приближается гномообразная фигура. — Вот и садовник с лестницей. Декан на люстре, Модо.

— И, смею уверить, мне здесь очень даже неплохо, — послышалось откуда-то из-под потолка. — Вот только б чашечку чая сюда.

— И чего я никак не ожидал, так это того, что главный философ сумеет *поместиться* в буфете, — заметил Чудакулли. — Поистине, возможности человека не имеют границ.

— О, я всего лишь... всего лишь проверял состояние столового серебра, — послышалось из выдвижного ящика.

Сундук открыл крышку. Несколько волшебников поспешно отпрянули.

Чудакулли с интересом рассмотрел застрявшие в древесине акулы зубы.

— Значит, он любит охотиться на акул?

— О да, — откликнулся Ринсвинд. — Иной раз, бывает, выволаочет акулу на берег и ну ее трепать.

На Чудакулли Сундук произвел огромное впечатление. В землях, лежащих между Овцепикскими горами и Круглым морем, груша разумная практически не встречается, скорее даже тут ее совсем не осталось. Лишь немногие волшебники могли похвастать унаследованным от своего собрата посохом из груши разумной.

Одной из сильных сторон Чудакулли было экономное расходование эмоций. Сундук в самом деле произвел на него неизгладимое впечатление. Можно даже сказать, ошеломил — когда Сундук неожиданно приземлился прямо посреди толпы волшебников, декан блестяще исполнил самый сложный вертикальный взлет с ускорением. Но испугался ли аркканцлер? Однозначно нет. Чудакулли не знал, что такое страх, поскольку не имел воображения.

— Ух ты, — произнес кто-то из волшебников.

Аркканцлер отыскал взглядом говорившего.

— Да, казначей?

— Эта книга, которую декан одолжил мне почитать. Про человекообразных.

— И что?

— Совершенно удивительная книжка, — с горящими глазами продолжал казначей, пребывающий сейчас в средней части ментального цикла, а следовательно, на одной планете со своими коллегами, пусть даже и отделенный от них пятимильной ватной изоляцией. — Декан сказал правду. Тут действительно написано, что взрослый самец орангутана, будучи доминирующим самцом в стае, отрачивает себе большие защечные мешки.

— Надо же, как интересно!

— Вот именно, ведь у библиотекаря мешков нет! И это при том, что он доминирует в библиотеке. Он ведь там доминирует?

— Разумеется, — откликнулся главный философ, — но вместе с тем он считает себя волшебником. А как волшебник, он же не доминирует над Университетом.

Постепенно мысль дошла, и волшебники, все как один ухмыляясь, воззрились на аркканцлера.

— И нечего так смотреть на мои щеки! — воскликнул тот. — Я ни над кем не доминирую!

— Я всего лишь...

— Так что закройте рты, все, — или наживете себе неприятности!

— М-да, очень советую прочесть, — сказал казначей, по-прежнему счастливо пребывающий в долине сушеных лягушек. — Поразительно, сколь многому можно научиться, читая эту книжку!

— И чему же из нее можно научиться? Например, как показывать красную задницу? — съязвил со своей люстры декан.

— Нет, декан. Задницы показывают бабуины, — разъяснил главный философ.

— Прошу прощения, не хочу вас разочаровывать, но полагаю, что речь идет о гиббонах, — вставил заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

— Да нет, гиббоны — это которые визжат таким противным визгом. А задницы показывают бабуины.

— Лично мне библиотекарь никогда ничего не показывал, — процедил аркканцлер.

— Ха, он и не стал бы, дурак он, что ли? — донеслось с люстры. — Тут же доминирующий самец и все такое!

— Декан, спускайся сию минуту!

— Я тут слегка запутался, Наверн. Никак не могу отцепить один канделябр от балахона.

— Ха!

Ринсвинд потряс головой и заковылял прочь. Да уж, с тех пор как он был здесь в последний раз, произошло много перемен, а был он здесь очень давно, не припомнить даже когда...

Он *не просил* волнующей, полной приключений жизни. Что он действительно любил, так это скуку и однообразие. Проблема заключалась в том, что скука и однообразие имеют склонность взрываться прямо вам в лицо в самый неожиданный момент. Только покажется, что вот наконец ты обрел ее — скучную, однообразную жизнь, — как вдруг обнаруживаешь, что находишься в самом эпицентре того, что другие люди — беззаботные, ничего не понимающие людишки — называют приключением. Волею судеб Ринсвинду довелось посетить множество чужеземных стран и повстречать там массу экзотических и ярких личностей — впрочем, его знакомства никогда не длились слишком долго, поскольку обычно он бежал со всех ног, спасаясь от этих самых ярких личностей. Он был свидетелем сотворения мира и, следует отметить, сидел при этом не в партере, видел ад и жизнь после Смерти. Его захватывали в плен, сажали в темницы, спасали, теряли и оставляли одного на необитаемом острове. Иногда все это умудрялось уместиться в один день.

Приключение! Люди говорят о нем как о чем-то стоящем, между тем это всего-навсего смесь из плохого питания, постоянного недосыпания и абсолютно незнакомых людей, с необъяснимой настойчивостью пытающихся воткнуть в различные участки вашего тела всякие заостренные предметы.

В конце концов Ринсвинд пришел к выводу, что корень проблемы заключается в его карме. От нее-то он и страдает. Стоило возникнуть хотя бы самому смутному, мимолетному *ощущению*, что в недалеком будущем произойдет что-нибудь хорошее, как незамедлительно случалось что-то плохое. Оно случалось и случалось — случалось все то время, пока должно было происходить диаметрально противоположное. В итоге ему так и не довелось узнать, какое оно из себя — хорошее. Это как если бы вас перед самой едой постигло вдруг несварение желудка, причем несварение настолько жуткое, что вы и кусочка в рот взять не можете.

Где-то в этом мире, рассуждал Ринсвинд, должен быть другой человек, который находится на противоположной стороне качелей. Некто вроде его зеркального отражения, чья жизнь представляет собой цепочку прекрасных и приятных событий. И Ринсвинд не оставлял надежды однажды встретить этого типа, чтобы побеседовать с ним по душам.

И вот теперь его хотят заслать на Противовесный континент. Говорят, жизнь там скучнее некуда. А Ринсвинд всей душой жаждал скучищи.

Он действительно полюбил тот остров. Там была такая штука, как Кокосовый Сюрприз. Берешь кокос, бьешь по нему дубинкой — и на тебе! Внутри кокос! Именно такие сюрпризы он любил больше всего на свете.

Ринсвинд толчком открыл дверь. Здесь он когда-то жил...

В комнате царил полный разгром. У стены стоял большой, выдавший виды гардероб — пожалуй, единственный предмет обстановки, подпадавший под категорию «нормальная мебель», если только не расширить эту категорию, чтобы она включала в себя плетеный стул без сиденья и с тремя ножками, а также матрас, настолько полный жизни, копошащейся обычно в матрасах, что время от времени он принимался пьяно ползать по комнате, наталкиваясь на прочую «меблировку». В одном из углов громоздилась куча всякого хлама, явно притащенного сюда с какой-то помойки, — старые корзины, куски досок, разодранные мешки...

Ринсвинд почувствовал, как к горлу подкатил ком. Комната осталась такой, какой и была, в ней ничего не тронули...

Отворив дверцу гардероба, он принялся рыться в населенном молью мраке, пока рука не натолкнулась на...

... Ухо...

... Присоединенное к гному.

— Ай!

— Что, — осведомился Ринсвинд, — ты делаешь в моем гардеробе?

— В гардеробе? Э-э... э-э... А разве это не волшебное королевство Наверния? — забормотал гном, делая вид, будто не чувствует за собой ровной никакой вины и вообще забрел в этот шкаф совершенно случайно.

— Нет, и эти вешалки у тебя в руках вовсе не Бриллиантовые Сережки Королевы Фей. — Ринсвинд выхватил свое имущество

из рук воришки. — А это вовсе *не* Плащ-Невидимка! А это — не Чудо-Носки Ворчливого Великана, это мои башмаки!

— Ай!

— А ну вылазь!

Гном со всех ног метнулся прочь из комнаты, чуть помедлив на пороге, чтобы крикнуть:

— У меня лицензия Гильдии Воров! И бить гномов нельзя! Это называется дискриминация по видовому признаку!

— Ага, конечно.

Ринсвинд принялся извлекать из шкафа различные предметы одежды.

Отыскав балахон почище, Ринсвинд надел его. Над балахоном моль потрудила на славу, к тому же красный цвет его по большей части слинял до оранжевого и коричневого — однако, Ринсвинд облегченно вздохнул, это было настоящее одеяние волшебника. Трудно производить впечатление, творя волшебство с голыми коленками.

Раздались негромкие шаги. Кто-то, осторожно ступая, подошел и остановился у него за спиной. Ринсвинд повернулся.

— Откройся.

Сундук послушно откинул крышку. Теоретически сейчас ему полагалось быть полным акулы, но на практике он был доверху набит кокосами. Ринсвинд вывалил орехи на пол и запихал в освободившийся Сундук остальную одежду из шкафа.

— Закройся.

Крышка хлопнула.

— А теперь отправляйся на кухню и добудь мне картошки.

Сундук совершил сложный, постепенно распространяющийся на все многочисленные ноги поворот и затрусил прочь. Ринсвинд вышел вслед за ним и направился в кабинет аркканцлера. Сзади слышались голоса продолжающих яростный спор волшебников.

За много лет, проведенных в Незримом Университете, Ринсвинд столько раз бывал в этом кабинете, что практически сроднился с ним. Как правило, приходил он сюда, чтобы отвечать на всякие крайне затруднительные вопросы типа: «Это же *основы* огнетворчества — ты что, не знаешь, как разжигают огонь?!» В этом кабинете Ринсвинд провел немало долгих часов, разглядывая предметы обстановки и выслушивая гневные разглагольствования.

Здесь тоже кое-что переменялось. Исчезли перегонный куб и бутылки с бурляще-дымящимися жидкостями, считавшиеся традиционными атрибутами волшебства, зато появился бильярдный стол, настолько заваленный всякими официальными бумагами, что даже зеленого сукна не было видно. Чудакулли всегда считал, что люди, у которых есть время строчить официальные бумаги, вряд ли могут написать что-нибудь важное.

Со стен на Ринсвинда взирали чучельные головы удивленных животных. С рогов оленя свисали ржавые железные башмаки, полученные Чудакулли в качестве приза в годы его юности, когда он выступал за команду Университета в соревнованиях по наводной бегле.¹

В углу располагалась большая модель Плоского мира, покоящегося на четырех деревянных слонах. Ринсвинду модель была хорошо знакома. Как, впрочем, и любому другому студенту...

Противовесный континент представлял собой каплю. То есть выглядел точь-в-точь как капля или как не слишком благожелательная запятая. Моряки, возвращаясь из плаваний, порой рассказывали об этом континенте. Поговаривали, будто бы давным-давно он раскололся на несколько крупных островов, которые, вытянувшись в длинную цепь, доходили аж до Бхангбхангдука, еще более таинственного острова. Ну а следом за Бхангбхангдуком располагался совсем загадочный и мистический континент, обозначаемый на всех картах не иначе как «XXXX».

Суда на Противовесный континент ходили нечасто, хотя все знали, что Агатовая империя смотрит на контрабанду сквозь пальцы (если, конечно, не слишком наглеть), да и в Анк-Морпорке имелись кое-какие товары, востребованные на том краю Диска. Однако никаких официальных торговых контактов не существовало — некоторые капитаны, осмелившиеся посетить Противовесный континент, привезли оттуда сказочное богатство в виде шелков и ценной древесины, а некоторые вернулись прикованными вверх ногами к мачте. А другие и вовсе не вернулись.

¹ Если не считать кратких наводнений, в остальное время года по водам Анка передвигаться чрезвычайно трудно. Поэтому команда Университета изобрела новый вид спорта — наводную беглю. Обычно это вполне безопасно, если только не стоять слишком долго на одном месте. Есть только один побочный эффект — вода разъедает подошвы башмаков.

Ринсвинд побывал почти везде, однако Противовесный континент был для него неведомой страной, так сказать, террором инкогнита. И зачем им там понадобился волшебник?

Ринсвинд вздохнул. В его голове забрезжил смутный план.

Пожалуй, он не станет дожидаться возвращения Сундука из захватнического похода на кухню — кстати, доносившиеся оттуда вопли и периодический громкий гул медной сковородки, которой, судя по всему, кто-то отбивался, наводили на мысль, что Сундук развлекается вовсю.

Нужно просто взять ноги в руки и, не мешкая ни минуты, убираться от греха подальше. А потом...

— А, Ринсвинд! — Для такого крупного человека аркканцлер передвигался на удивление бесшумно. — Вижу, ты уже заждался. Что, так не терпится нас покинуть?

— Да, — честно признался Ринсвинд. — О да. Ужас как не терпится.

Члены Красной Армии собрались на сходку. Собрание открыли пением революционных песен. Поскольку неповиновение властям нелегко дается гражданам Агатовой империи, песни носили названия типа «Мы Планомерно Движемся Вперед, При Этом Лишь Слегка Не Повинуясь И Следуя Правилам Хорошего Тона».

А затем настало время для приятных новостей.

— Великий Волшебник *уже в пути*. Мы послали ему сообщение, хотя наш посланник подвергался огромному риску.

— Но когда именно он прибудет? И как мы об этом узнаем?

— Если он действительно Великий Волшебник, мы о нем услышим. И тогда...

— Мягко Сметем Мы Преграды! Гнет Осторожно Отринем! — хором пропели собравшиеся.

Две Огненные Травы окинул взором своих товарищей по борьбе.

— Именно, — подтвердил он. — И тогда, товарищи, придет время нанести удар в самое сердце той гнили, что затопила нашу страну! Мы будем штурмовать Зимний!

Воцарилось молчание. Затем кто-то аккуратно напомнил:

— Гм, извини, конечно, но сейчас июнь.

— Значит, будем штурмовать Летний!

Очень похожее собрание, хотя и без песнопений и с гораздо более пожилыми участниками, проходило в Незримом Университете — хотя один из членов Волшебного Совета так и не согласился спуститься с люстры. Что очень раздражало библиотекаря. Он привык, что это его место.

— Ну хорошо, раз вы не доверяете моим расчетам — какие в таком случае альтернативы? — горячо произнес Думминг Тупс.

— Может, отправить его на корабле? — высказался заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

— Корабли частенько тонут, — поторопился заметить Ринсвинд.

— Ты домчишься и глазом не успеешь моргнуть, — встрял главный философ. — Мы же, в конце концов, волшебники. Дадим тебе мешок с ветром.

— Ага. По имени декан, — ухмыльнувшись, произнес Чудакулли.

— Я все слышу, — донеслось с люстры.

— Есть и другая дорога. — Профессор современного руносложения покачал головой. — Мимо Пупа. Там почти везде лед.

— Нет! — воскликнул Ринсвинд.

— Зато на льду невозможно утонуть.

— Еще как возможно. Не знаешь, куда и ступить. Лед под тобой хрусть, а потом тебя еще и льдиной по голове огреет. И там киты-убийцы. И огромные тюлени с фоф факами вубиффами!

— Хрусть — и пополам, — радостно сообщил казначей.

— Это ты о чем? — подозрительно осведомился профессор современного руносложения.

— О крюке, на который картины вешают. Сломался он.

Воцарилось краткое неловкое молчание.

— О боги, мы чуть не пропустили время приема лекарств. — Аркканцлер сверился с часами на цепочке. — Нет, нормально, успели.. Бутылек у тебя в левом кармане, дружище. Три штуки за раз.

— Единственный способ — это магия, — стоял на своем Думминг Тупс. — Она же сработала, когда мы доставляли его сюда.

— О да, — закатил глаза Ринсвинд. — Я всю жизнь мечтал отправиться неведомо куда — с горящими штанами и даже не зная, где приземлюсь. Действительно идеальный способ!

— Вот и прекрасно, — заключил Чудакулли, человек, к сарказму не восприимчивый. — Континент большой. Даже с расчетами господина Тупса мы вряд ли промахнемся.

— А что, если я врежусь в какую-нибудь гору? — спросил Ринсвинд.

— Такого быть не может. Когда мы произнесем заклинание, этот участок горы перенесется сюда вместо тебя, — объяснил Думминг, которому очень не понравился намек по поводу его математических способностей.

— То есть я так и так закончу в горе? Единственное утешение — дыра будет точь-в-точь моих размеров, — угрюмо буркнул Ринсвинд. — Отлично. Ископаемое быстрого приготовления.

— Да не волнуйся ты, — Чудакулли похлопал его по плечу. — Это все элементарная... гамометрия, ну, знаешь, это когда котятя в квадрате равны целому урожаю кукурузы...

— Ты хотел сказать геометрия? — спросил Ринсвинд, внимательно рассматривая дверь.

— Ну да. И ведь с тобой будет этот твой чудо-Сундук. Не путешествие, а сплошной праздник. Все пройдет как по маслу. Придешь туда... ответишь на пару простых вопросиков — или чего им там от тебя понадобилось. С общением у тебя проблем не будет, ведь, как я слышал, у тебя своего рода способности к языкам.¹ В общем, за пару часов обернешься. Что значит «ха-ха»?

— Это у меня в горле запершило.

— А когда вернешься, тебя тут встретят с почестями...

Ринсвинд обвел взглядом (один раз при этом посмотрев наверх) Волшебный Совет.

— Но *как* я оттуда вернусь?

¹ По крайней мере эта часть соответствовала действительности. Ринсвинд мог звать к милосердию на девятнадцати языках, а просто кричать* — еще на сорока четырех.

* Уметь кричать на разных языках крайне важно. Неопытный путешественник может подумать, что «Аргх!» и в Клатче «Аргх!», но, к примеру, бетробцы так выражают крайнюю степень удовольствия, а в Очудноземье это означает (в зависимости от контекста): «Откусить тебе ногу, что ли?», «Жена твоя — форменная корова» либо «Приветствую тебя, о розовый слон». Одно тамошнее племя снискало себе жуткую репутацию просто потому, что их узники, как им казалось, вопили: «Еще ковшик кипящего масла, да побыстрее!»

— Тем же самым способом. Мы найдем тебя и доставим обратно. С хирургической точностью.

Ринсвинд застонал. Он знал, что такое хирургическая точность по-анкморпоркски. Это «пара-дюймов-вправо-пара-дюймов-влево-ну-надо-же-а-мне-казалось-что-он-был-выше».

Впрочем, если на мгновение забыть о полной уверенности, что где-то что-то обязательно пойдет наперекосяк... все расчеты вроде правильные, только идиот не справится с таким простым заклинанием. Но речь шла об университетских волшебниках.

— И я получу обратно свою прежнюю должность?

— Безусловно.

— И смогу официально называть себя волшебником?

— Конечно. При этом используя любые сочетания букв.

— И больше мне до конца жизни не надо будет никуда отправляться?

— Договорились. Если хочешь, мы строго-настрого запретим тебе покидать территорию Университета.

— И я получу новую шляпу?

— Что?

— Новую шляпу. Эта уже практически отжила свое.

— Две новые шляпы.

— С блестками?

— Само собой. И еще эти, знаешь, такие шарики, похожи на стеклянные? Так вот, я лично оклею ими поля твоей шляпы. А слово «Валшепник» мы будем писать еще и через «п».

Когда дело доходило до объяснений, гений Думминга Тупса впадал в легкую кому. Именно это и случилось, когда волшебники наконец собрались показать всему Плоскому миру, что в Незримом Университете не шляпами кашу хлебают.

— Да, но, аркканцлер, мы ведь посылаем его на противоположную сторону Диска, поэтому...

Чудакулли вздохнул.

— Диск *вертится*, правильно? — ответил он. — Все мы движемся в одном и том же направлении. Это логично. Ты хочешь сказать, что люди, живущие на Противовесном континенте, двигаются в противоположном направлении? Тогда почему мы раз в году не сталкиваемся лбами? То есть два раза в году?

— Все правильно, аркканцлер, они *вертятся* точно так же, как мы, это да, но направление их движения совершенно противоположно. В смысле, — продолжал Думминг, хватаясь за спасительную логику, как за соломинку, — возьмем и проведем самые простые векторы. В каком бы направлении двигались жители Противовесного континента, если бы Диск вдруг взял и исчез?..

Волшебники непонимающе уставились на него.

— Вниз, — наконец ответил Чудакулли.

— Нет, нет, *нет*, аркканцлер! — всплеснул руками Думминг. — Вниз они бы не двигались, ведь вниз их ничего не тянет, и...

— А чтобы тянуть вниз, ничего и не надо. Если наверху тебя ничто не держит, то как раз вниз и движешься.

— ... Они *продолжали бы двигаться в том же самом направлении!* — в отчаянии возопил Думминг.

— Ага, так и вертелись бы, — хмыкнул Чудакулли и потер руки. — Знаешь, дружище, тебе бы стоило еще немного поработать над теорией, и, может, тогда ты станешь настоящим волшебником. Эй, руновед, как там у нас дела?

— Я... Я вроде как что-то вижу. — Профессор современного руносложения, прищурившись, вглядывался в хрустальный шар. — Очень *сильные* помехи...

Волшебники сгрудились вокруг шара. Шар наполнили белесые точки. Сквозь белую кашу *действительно* проглядывали туманные силуэты. Некоторые даже смахивали на человеческие.

— Какое мирное место, эта Агатовая империя, — заметил Чудакулли. — Такое спокойное, тихое. Культурное. И все очень вежливые.

— Ну да, — откликнулся профессор современного руносложения. — Еще бы. Говорят, попробуй повести себя там как-то иначе, сразу недосчитаешься какой-нибудь части тела. Интересно, это правда? Я слышал, что в империи царит угнетающая народ тирания.

— А как именно называется тамошняя форма правления? — любопытствовал Думминг Тупс.

— Тавтология, — отозвался сверху декан.

— Э-э, насчет частей тела... А если я очень быстро считаю? — спросил Ринсвинд.

Его вопрос проигнорировали.

— Я слышал, золото там самая обычная вещь, — продолжал

декан. — Говорят, валяется прямо под ногами. Ринсвинд мог бы прихватить с собой мешочек-другой.

— Я там свои части тела буду пересчитывать, — сообщил Ринсвинд окружающим стенам.

«В конце концов, — мрачно подумал он, — именно мне предстоит отправиться в эту «мирную» империю. Так что мое мнение в расчет не принимается».

— Слушай, ты не мог бы немножко убрать помехи? — нетерпеливо осведомился аркканцлер.

— Прошу прощения, аркканцлер, но...

— Да, кстати, а эти части тела... они очень важные или так, из второстепенных? — спросил Ринсвинд, правда его опять-таки никто не услышал.

— Главное — найти ровную площадку и объект, примерно равный по размеру и весу.

— Очень плохо видно...

— Значит, важные, да? Мы здесь что, на территории рук и ног?

— Говорят, там очень скучно. И самое страшное проклятие у них: «Чтоб жил ты в интересные времена».

— Там виднеется такая штука... Туман, ничего толком не разглядишь. Вроде тачки. Судя по размерам, довольно маленькая...

— ... Или речь идет о пальцах, ушах и тому подобном?

— Отлично, давайте начинать, — бодро произнес Чудакулли.

— Э-э, я думаю, стоит выбрать предмет полегче, — сказал Думминг. — Тогда мы сможем контролировать скорость объекта при перемещении. И...

— Да, да, спасибо тебе большое, господин Тупс, а теперь, дружище, заходи в круг, вот молодец, полетишь с ветерком...

— О ногтях? Волосах?

Ринсвинд в отчаянии дернул за плащ Думминга Тупса, судя по всему, наиболее здравомыслящего из присутствующих.

— Э-э... И далеко мне предстоит лететь? — спросил он.

— Гм-м. Миль этак тысяч шесть, если не ошибаюсь, — отошелся Думминг Тупс.

— Но... Я бы... Может, у тебя есть какие-нибудь рекомендации?

Думминг не знал, что и сказать. «Я сделал все, что мог, — подумал он. — И Гекс тоже, но сам ритуал будет осуществляться кучкой волшебников, известных экспериментаторов-естествои-

спытателей: «сначала швырнем, а потом сядем и будем спорить, где оно приземлится». Нам надо поменять тебя местами с объектом, находящимся за шесть тысяч миль отсюда. Причем этот объект, что бы там ни говорил аркканцлер, движется в пространстве в совершенно противоположном направлении. Ключевое слово здесь «точность». И тут уж никакие заклинания не помогут. Заклинание в любой момент может закончиться, а вместе с ним и ты. С другой стороны, я уверен, что с помощью Гекса мы доставим тебя на место целиком, ну максимум в двух частях. Однако у нас нет никакой возможности выяснить вес объекта, с которым ты поменяешься местами. Если он весит примерно столько же, сколько вешишь ты, все может сработать очень даже неплохо — при условии, что ты не против потерпеть небольшую тряску при приземлении. Но если этот объект *существенно* тяжелее тебя, скорее всего, ты совершишь посадку на скорости, с которой обычно передвигаются лунатики в деревушках, расположенных у самого обрыва».

— Э-э, — произнес он вслух. — Бойся. Бойся очень сильно.

— А, ты об *этом*, — протянул Ринсвинд. — Никаких проблем. Это у меня получается прекрасно.

— Мы попытаемся доставить тебя в самый центр континента — по слухам, именно там расположен Гункунг, — добавил Думминг.

— Это их столица?

— Да. Э-э, — Думминга не покидало чувство вины. — Послушай, что бы ни случилось, в одном я уверен: на место ты прибудешь живым, а это уже много по сравнению с тем, чем все могло бы закончиться, если бы ты имел дело с ними, — он указал на волшебников. — И я *почти* уверен, что приземлишься ты на правильном континенте.

— Здорово.

— *Начнем же*, господин Тупс. Мы с нетерпением ждем твоих *указаний*, — окликнул Чудакулли.

— А, э-э, да. Верно. Итак, господин Ринсвинд, не соблаговолишь ли ты встать в центр октагона... благодарю. Гм-м. Видите ли, коллеги, что всегда составляло проблему при телепортации на большие расстояния, так это Принцип Неуверенности Хайненберга,¹ поскольку телепортируемый объект... Обратите внимание:

¹ Названный так в честь Санскрипа Хайненберга, а вовсе не в честь куда более известного Хайненберга, прославившегося изобретением, *пожалуй*, лучшего пива в мире.

«tele» — от слова «вижу» и «port» — от слова «перемещаться» вместе образуют «вижу, он переместился». Так вот, телепортируемый объект, каким бы большим он ни был, уменьшается до размера чара, элементарной магической частицы, и тут он попадает в смертельную ловушку, расставленную дихотомией. Условно говоря, он должен выбирать: он знает либо то, что собой представляет, либо то, куда направляется. Одновременно оба эти знания ему недоступны. Э-э, в конечном итоге все растущее напряжение морфического поля приводит к дезинтеграции, в результате чего объект превращается в тело случайной формы, размазанное, э-э, по одиннадцати измерениям. Но вам, разумеется, все это известно...

Ответом Думмингу был сочный храп со стороны заведующего кафедрой беспредметных изысканий, внезапно решившего прочесть лекцию в аудитории ЗБ.

Ринсвинд широко улыбнулся. По крайней мере, открыл рот и показал зубы.

— Прошу прощения, что встречаю, — произнес он. — Но я что-то не припоминаю, чтобы кто-нибудь до сих пор упоминал о размазанности по одина...

— Самой собой, — продолжал Думминг, — объект практически ничего, э-э, не почувствует...

— О.

— ... По крайней мере, насколько мы можем судить...

— Ага.

— ... Хотя теоретически возможно, что психическая деятельность объекта не остановится...

— Да?

— ... И объект на какое-то — очень короткое! — время станет свидетелем собственного взрывообразного распада.

— Эй?!

— Далее. Все мы знаем, как использовать заклинание в качестве точки опоры, когда мы перемещаем, э-э, не *один* объект, а меняем местами в пространстве два объекта примерно одинаковой массы. Таким образом, сегодня моя цель, э-э, продемонстрировать, что если с самого начала придать объекту нужное вращение и максимальную скорость...

— То есть мне?

— ... То гипотетически возможно...

— Гипотетически?

— ... Удержать объект в целом состоянии при перемещении на расстояние, не превышающее, э-э, примерно шести тысяч миль...

— *Примерно?*

— ... Плюс-минус десять процентов...

— *Плюс или минус?*

— Итак, — прошу прощения, декан, пожалуйста, перестань капать на меня воском — итак, прошу занять места, которые я обозначил мелом на полу...

Ринсвинд с тоской посмотрел на дверь. Расстояние левое — для опытного труса. Он легко удерет отсюда, но тогда они... они...

А что они? Ну, отберут шляпу. Ну, запретят появляться в Университете. Теперь, хорошенько все обдумав, он пришел к выводу, что вряд ли аркканцлер приведет в действие свои угрозы — ну те, насчет моста и приливов-отливов, — ведь сначала его, Ринсвинда, надо будет отыскать.

Вот тут-то и крылась проблема. Да, он останется в живых — но вместе с тем лишится звания волшебника. «А это все равно что умереть», — с горечью думал он, пока волшебники с шумом занимали обозначенные места и потуже закручивали набалдашники на посохах.

Ритуал начался.

Ринсвинд-сапожник? Ринсвинд-попрошайка? Ринсвинд-вор? Практически любой вариант — кроме Ринсвинда-трупа — подразумевает владение навыками, которыми он не владеет.

Больше Ринсвинд ничего не умел. Волшебство было его единственным прибежищем. Если уж быть до конца честным, то и волшебник он так себе, но тут, по крайней мере, все ясно: волшебник он *точно* плохой. Ему всегда казалось, что, как волшебник, он имеет право на существование точно так же, как среди прочих цифр имеет право на существование ноль. Ну какая математика без ноля? Казалось бы, и не цифра вовсе, а попробуй убери его, и большие числа будут выглядеть ужасно глупо. Эта призрачно-благородная мысль согревала его в бессонные ночные часы, когда, оценивая прожитую жизнь, вдруг понимаешь, что весит она не больше, чем клуб подогретого водорода. Что ж, Ринсвинд *действительно* несколько раз спасал мир, но всегда это выходило как-то случайно, на самом деле он ни о чем таком даже не

Чудакулли поднял глаза на Думминга Тупса.

— Ну что ж, он отправился в путь, — произнес он. — Но, по-моему, мы должны были получить что-то взамен.

— Ну, передача происходит не совсем мгновенно... — ответил Думминг.

— То есть следует учитывать время, необходимое на пересечение оккультных измерений?

— Вроде того. Согласно Гексу, мы должны подождать несколько...

Посреди октагона, на том самом месте, где несколько минут назад стоял Ринсвинд, что-то материализовалось. Материализация сопровождалась громким «хлоп», после чего предмет откатился на несколько дюймов.

Предмет был снабжен по крайней мере четырьмя колесиками — примерно такого размера, которые подошли бы для небольшого экипажа. Но это были не слишком искусно сделанные колеса; скорее просто диски — такие подставляют под очень тяжелые предметы в тех редких случаях, когда возникает необходимость их передвинуть.

Зато над колесами располагалось нечто гораздо более интересное.

На колеса был под углом водружен большой, похожий на бочку цилиндр. На его сооружение, по-видимому, затратили немало усилий, и конструкторы израсходовали массу бронзы, чтобы придать ему вид очень огромной, жирной собаки с разинутой пастью. В качестве завершающей детали присутствовал торчащий с другого конца цилиндра отрезок шнура. Шнур дымился и шипел, потому что был подожжен.

Предмет не делал ничего опасного. Он просто стоял, а шнур тлел и укорачивался.

Волшебники сгрудились вокруг.

— На вид довольно тяжелый, — заметил профессор современного руносложения.

— Статуя собаки с огромной пастью, — высказался заведующий кафедрой беспредметных изысканий. — Не слишком изящно.

— Смахивает на болонку, — Чудакулли оценивающе склонил голову набок.

— Похоже, в статую вложили много труда, — сказал декан. — Ума не приложу, зачем кому-то понадобилось ее поджигать.

Чудакулли сунул голову в широкую трубу.

— Там внутри какой-то здоровущий шар, — сообщил он. Его слова отзывались слабым эхом. — Эй, кто-нибудь, передайте мне посох! Посмотрим, удастся ли мне выковырять эту штуковину оттуда.

Думминг пристально изучал шипящий шнур.

— Э-э, — произнес он, наконец отрываясь от этого зрелища. — Мне, э-э, кажется, что всем нам стоит отойти подальше, аркканцлер. Э-э. Да, отойти. На пару шагов. Или даже больше. Э-э.

— Ха! В самом деле? А как же научные исследования? — откликнулся Чудакулли. — Ты постоянно возишься со всякими шестеренками и муравьями, но стоит попросить тебя разобраться, как устроена та или другая штуковина, ты...

— ... Сразу прыгаешь на люстру, — услужливо подсказал декан.

— Вот-вот. Или ты просто робеешь?

— Дело вовсе не в робости, аркканцлер, — попытался объяснить Думминг. — Я подозреваю, что данный предмет может представлять некоторую опасность.

— По-моему, мне удалось слегка разболтать этот шар, — сообщил Чудакулли, ковыряясь в недрах цилиндра. — Эй, ребята, поднимите немножко с той стороны, чтоб он выкатился...

Думминг попятился.

— Э-э, я не думаю... — снова начал он.

— Не думаешь? Называешь себя волшебником и при этом не думаешь? Проклятье! Теперь у меня посох заклинило! Вот что бывает, когда слушаешь тебя, вместо того чтобы сосредоточиться на деле.

Думминг услышал за спиной звуки возни. Библиотекарь, руководствуясь свойственным всем животным чутьем на опасность и свойственным всем людям чутьем на неприятности, перевернул стол и спрятался за крышкой. На голове у библиотекаря красовался котелок. Ручка, поддерживающая один из многочисленных орангутаньих подбородков, вполне могла сойти за ремешок этого импровизированного шлема.

— Аркканцлер, я *думаю*...

— А, теперь ты, значит, думаешь?! А откуда ты взял, что твое дело — думать? Ай! Ну спасибо вам, теперь у меня пальцы застряли!

Думмингу потребовалось собрать все свое мужество, чтобы закончить предложение:

— Я думаю... это вполне может быть чем-то вроде машины для фейерверка.

Волшебники наконец обратили внимание на шипящий шнур.
— Что?.. Это ты о цветных огнях, звездочках и тому подобном? — спросил Чудакулли.
— И о них тоже, аркканцлер.
— Да, судя по всему, праздник будет неслабым. Похоже, в империи очень любят фейерверки... — Чудакулли говорил тоном человека, до которого очень медленно начинает доходить, что секунду назад он чуть было не совершил крайне глупый поступок.
— Может, мне все-таки затушить шнур? — предложил Думминг.
— Разумеется, дорогой юноша, почему нет? Отличная идея. Хорошая голова у этого парня!
Шагнув вперед, Думминг наступил на шнур.
— Я очень надеюсь, что мы не испортили им праздник, — произнес он.

Ринсвинд открыл глаза.
Это были *не* прохладные простыни. Да, то, на чем он лежал, было белым, холодным, но простынности ему явно недоставало. Этот свой недостаток оно компенсировало огромным количеством снежности.
И еще эта канава. Длинная глубокая канава.
Дайте-ка сообразить... Он помнил ощущение движения. И смутно припоминал нечто небольшое, но невероятно *тяжелое* на вид. Предмет с ревом пронесся мимо и скрылся в той стороне, откуда летел сам Ринсвинд. А потом он, Ринсвинд, приземлился здесь и по-прежнему двигался так быстро, что его ноги прорыли эту...
...«Канаву. Похоже, я начинаю зарываться», — подумал он и хихикнул. В голове царила приятная легкость, которой обычно сопровождается несильное сотрясение мозга.

Вокруг вырытой им канавы лежали стонущие люди. Но вид у них был такой, что Ринсвинд сразу понял: отстонав свое и перестав ползать с вытаращенными глазами, они немедленно схватятся за мечи и займутся этим самым... ну, что они там делают с частями тела? Которые потом никак не сосчитаешь?

Слегка покачиваясь, Ринсвинд встал на ноги. Бежать, похоже, некуда. Одна огромная снежная равнина, отороченная вдалеке горами.

Воины определенно начали приходить в чувство. Ринсвинд вздохнул. Всего несколько часов назад он посиживал себе на

теплом песке, а юные девы собирались угостить его пюре,¹ и вот пожалуйста: он уже стоит на продуваемой всеми ветрами, холодной равнине, и некие громылы готовятся попотчевать его грубой силой.

Он обратил внимание, что подошвы его башмаков легонько дымятся.

А потом чей-то голос произнес:

— Эй! Ты, случаем, не... этот, как его там... Ринсвинд?

Ринсвинд оглянулся.

За спиной у него стоял древний старик. Несмотря на пронизывающий ветер, из одежды на нем были лишь кожаная набедренная повязка да свалывшаяся борода такой длины, что без набедренной повязки вполне можно было обойтись — во всяком случае, если подходить к одежде исключительно с позиций приличия. Ноги у старика были синие от холода, а нос красный от ветра. Эта раскраска придавала ему крайне патриотический вид, если только в вашей стране данные цвета ассоциируются с понятием патриотизма. Один глаз старика был прикрыт повязкой, но куда большее впечатление производили зубы. Они отбрасывали во все стороны солнечные зайчики.

— Нечего пялиться на меня, разинув рот! Сними с меня эти чертовы штуковины!

Руки и ноги старика были скованы; цепь вела к группке одетых примерно так же людей, которые жались друг к другу и с ужасом взирали на Ринсвинда.

— Хе-хе! Они думают, ты что-то вроде демона, — крикнул старик. — Но я-то сразу узнаю волшебника! Ключи у вон того паскудника. Пойди и врежь ему хорошенько.

Ринсвинд сделал несколько неуверенных шагов в направлении распростертого на земле стражника и пошарил у того на поясе.

— Отлично, — поддержал старик, — а теперь бросай сюда. И отойди в сторонку.

— Зачем?

— Ты же не хочешь, чтобы тебя с головы до ног забрызгало кровью.

— Но у тебя нет никакого оружия, и ты старик, а у них большие мечи, и их пятеро!..

¹ Хотя в этом вопросе еще оставалась кое-какая неясность.

— Знаю, — кивнул старик, деловито наматывая цепь на запястье. — Это нечестно, но поддаваться я не умею.

Он ухмыльнулся.

Бриллианты опять заиграли в утреннем свете. Все зубы во рту старика были чистой воды алмазами. А Ринсвинд знал только одного человека, которому хватило наглости вставить себе тролльи зубы.

— Коэн-Варвар! — наконец узнал он.

— Тихо! Я путешествую этим, инкогнитой! А теперь посторонись, я сказал. — Зубы угрожающе блеснули на стражников, принявших к этому моменту вертикальное положение. — Ну-ка, выходите, ребята. В конце концов, вас ведь пятеро. А я старик. Шурум-бурум, о-о, болит нога, болит рука, и тэ дэ, и тэ пэ...

Надо отдать стражникам должное, они колебались. Однако, судя по их лицам, сомнения эти объяснялись вовсе не тем, что идея напасть впятером на немощного старика представлялась им предосудительной, — вовсе нет! Да, он безоружный старик, а они здоровые, вооруженные парни — и что с того? Скорее, их беспокойство вызывала непонятность ситуации: есть все-таки что-то странное в дышащем на ладан старике, который ухмыляется перед лицом неминуемой гибели.

— Ну же, *ну же*, — подначивал Коэн.

Стражники придвинулись ближе и переглянулись, подначивая друг дружку.

Коэн сделал несколько шагов вперед и утомленно всплеснул руками.

— Ну и как это называется?! — воскликнул он. — Мне за вас стыдно, честное слово. Разве так нападают? Ну что вы ползете как черепахи?! Когда нападаешь, о чем важнее всего помнить? Об элементе... *неожиданности*...

Десять секунд спустя он снова повернулся к Ринсвинду.

— Все в порядке, господин волшебник. Теперь можешь открыть глаза.

Один из стражников качался вверх ногами на дереве, второй торчал из сугроба, двое других, согнувшись, привалились к валуну, а еще один... так скажем, распространился по местности. Широко распространился. Кое-где свисая.

Коэн задумчиво пососал запястье.

— Последний чуть-чуть не достал меня, — сказал он. — Старею, наверное...

— Но что ты здесь де... — Ринсвинд прервался. Один порыв любопытства обогнал другой: — Слушай, а сколько именно тебе лет?

— Сейчас все еще век Летучей Мыши?

— Да.

— Гм... Сам не помню. Девяносто? Может быть, и девяносто. А может, девяносто пять.

Коэн выудил из сугроба ключи и легкой походкой направился к группе узников. Те съезжились еще больше. Отомкнув наручники у одного из заключенных, Коэн сунул ему в руки ключи. Напрочь лишившись дара речи, тот мог лишь таращиться.

— Валите отсюда, — добродушно произнес Коэн. — И смотрите, больше не попадайтесь.

Широкими шагами он направился обратно к Ринсвинду.

— А тебя-то каким ветром сюда занесло?

— Ну... — начал Ринсвинд.

— Очень интересно, — кивнул Коэн. — Что ж, нет у меня времени болтать тут с тобой, у меня дел невпроворот. Ты со мной или как?

— Что?

— Ладно, как знаешь.

Коэн обвязался цепью и сунул за этот импровизированный пояс пару мечей.

— Кстати, — вдруг поднял голову он, — а что ты сделал с Лаящим Псом?

— С кем?

— А, неважно...

Ринсвинд заторопился следом за удаляющейся фигурой. Не то чтобы рядом Коэном-Варваром он чувствовал себя в безопасности. *Нельзя* чувствовать себя в безопасности, находясь в непосредственной близости от Козна-Варвара. Процесс старения у него проходил как-то странно. Коэн всегда был героем-варваром, потому что варварское геройство было единственной профессией, которую он освоил. Но старость не брала его — казалось, он становился только жилистее и крепче.

Как говорится, приятно встретить на чужбине старого знакомого. Ринсвинд ничего не имел против старых знакомых, ему просто очень не нравились чужбины.

— Там, за Овцепиками, нет никакого будущего, — вдруг сказал Коэн, пробиваясь сквозь сугробы. — Заборы и фермы, заборы

и фермы — *везде*. Убьешь дракона, люди *недовольны*. И знаешь, что еще? Знаешь?

— Даже не догадываюсь.

— Совсем недавно ко мне подошел один человек и сказал, что мои зубы оскорбляют троллей. А, каково?

— Ну, твои зубы, они ведь действительно сделаны из...

— Я ответил ему, что лично *мне* тролли никогда не жаловались.

— А ты, э-э, когда-нибудь давал им возможж...

— Когда мне в горах попадается тролль в ожерелье из человеческих черепов, я очень ясно даю ему понять, что мне такие украшения не нравятся. Чего ж они-то молчат? Организации всякие появились, которые права троллей защищают. Причем так везде. В общем, я решил попытать счастья на этой стороне Диска.

— А тут не опасно? Пуп рядом, всякие твари небось бродят... — уточнил Ринсвинд.

— Раньше было опасно, — Коэн жутковато ухмыльнулся.

— В смысле пока ты не отправился в путь?

— Эт' точно. Кстати, а где твой ящик на ножках? Вы все еще вместе?

— Вместе. Наверное, болтается где-нибудь неподалеку. Как обычно.

Коэн крикнул.

— Помяни мои слова: в один прекрасный день я отчекрыжу его проклятую крышку. О. Лошади.

Лошадей было пять, они бродили по округе со слегка угнетенным видом.

Ринсвинд оглянулся на освобожденных узников. Те переминались с ноги на ногу, явно не зная, куда теперь податься.

— Отлично, возьмем по лошади и... — жизнерадостно начал Ринсвинд.

— Лошадей возьмем всех. Они нам еще пригодятся.

— Но... одна для меня, одна для тебя... А остальные зачем?

— А как же завтрак, обед и ужин?

— Но это ведь несколько... несправедливо! А как же они? —

Ринсвинд ткнул пальцем в сторону растерянных пленников.

Коэн усмехнулся усмешкой человека, который никогда в жизни не ощущал себя узником — даже когда его запирали в темницу.

— Я освободил их, — отвечал он. — Впервые в жизни они

свободны. Наверное, поначалу это слегка шокирует. Они ждут кого-нибудь, кто укажет им, что делать дальше.

— Э-э...

— Если хочешь, могу посоветовать им побыстрее умереть от голода.

— Э-э...

— Ну ладно, ладно. Эй вы, там! Ка-а мне! Шевеллись, быстрейбыстрей, чоп-чоп!

Бывшие пленники торопливо подбежали к Коэну и в ожидании остановились у его лошади.

— Говорю тебе, здесь неплохо. Это страна больших возможностей, — произнес Коэн, пуская лошадь в легкий галоп. Растерянные свободные люди трусили сзади, стараясь не отставать. — И знаешь что? Мечи здесь запрещены. Только солдатам, аристократии и Имперской Страже разрешено иметь оружие. Я сначала даже не поверил! Но кое-какая сермяжная правда тут есть. Мечи объявлены вне закона, поэтому только те, кто вне закона, имеют мечи. И *это*, — Коэн сверкнул улыбкой, окидывая взглядом раскинувшийся перед ним ландшафт, — мне очень подходит.

— Но... но тебя ведь заковали, — осмелился возразить Ринсвинд.

— Спасибо, что напомнил, — откликнулся Коэн. — Н-да. Но сначала отыщем ребят, а потом я найду того, кто мне это устроил, и побеседую с ним по душам.

Тон, которым это было сказано, без сомнений подразумевал, что тот, с кем Коэн собирался побеседовать, вряд ли сможет ответить ему что-нибудь кроме: «Еще, еще! Твоя жена — форменная корова!»

— Ребят? Каких ребят?

— У одиночного варварства нет будущего, — ответил Коэн. — Я... В общем, сам увидишь.

Обернувшись, Ринсвинд окинул взглядом тащившихся следом за ними «свободных людей», снег и Коэна.

— Э-э... А ты, случаем, не знаешь, где тут находится Гункунг?

— Знаю. Главный город. Мы туда и направляемся. Вроде как. Сейчас он в осадном положении.

— В осадном положении? Это когда... кругом войска, а внутри едят крыс, да?

— Верно, но, видишь ли, мы на Противовесном континенте, у них все шиворот-навыворот, так что и осада у них другая, вежливая. Хотя осада — она везде осада. В общем, старый император умирает, и вокруг города собрались все главные родовитые семейства — ждут, когда можно будет въехать на освободившуюся территорию. Главных шишек у них пятеро, и все они следят друг за другом — никто не хочет первым наносить удар. Тут все иначе делается, сразу и не разберешься, но скоро ты привыкнешь...

— Коэн?

— Да?

— Что, черт побери, ты задумал?

Лорд Хон наблюдал за чайной церемонией. Она длилась уже три часа, однако чай — дело такое, тут спешить нельзя.

Одновременно он играл в шахматы — сам с собой, то есть с истинно достойным противником, с которым было не грех помериться силами. Однако на данный момент игра зашла в тупик: обе стороны ушли в защиту — надо сказать, блестящую и талантливо выстроенную.

Порой лорд Хон мечтал о том, чтобы встретить врага, который был бы так же умен, как и он сам. Ну, или (о, лорд Хон действительно был очень умен!) врага, *почти* такого же умного, гения стратегии и тактики, но который бы тем не менее иногда совершал непоправимые ошибки. Тогда как сейчас его окружали полные дураки, которые умели просчитывать не больше чем на дюжину ходов вперед.

Покушения и убийства были главным блюдом придворной жизни Гункунга. «Блюдом» в буквальном смысле этого слова — на практике именно блюда зачастую становились орудием. Это была игра, в которую играли все.

Разумеется, лобовое убийство императора рассматривалось как дурной тон. Ловким ходом считалось поставить императора в такое положение, когда его можно было контролировать. Однако на этом уровне всякий ход был сопряжен с большой опасностью. Сильные мира сего могут сколько угодно грызться между собой, но стоит появиться кому-нибудь, способному подняться над стадом, как они мгновенно объединятся. Поэтому лорд Хон избрал другую стратегию: он успешно внушил своим соперникам, что самым очевидным кандидатом на должность императора является, безусловно, *каждый* из них... ну а он, лорд Хон, всего лишь

альтернатива, запасной вариант. Влияние лорда Хона росло как на дрожжах.

Забавно, неужели они и вправду думают, будто ему нужен этот императорский жезл?..

Оторвавшись от шахмат, он поймал взгляд девушки, занимавшейся приготовлением чая. Та покраснела и отвела взгляд.

Дверь беззвучно распахнулась. На коленях вполз один из его людей.

— Да? — произнес лорд Хон.

— Э-э... О мой господин...

Лорд Хон вздохнул. Хорошие новости с фразы «о мой господин» не начинаются.

— Ну, что случилось? — спросил он.

— Тот, кого зовут Великим Волшебником, прибыл, о мой господин. Его видели в горах. Он прилетел верхом на драконе ветров. По крайней мере, так люди говорят, — быстро добавил гонец, прекрасно осведомленный, как лорд Хон относится ко всяким предрассудкам.

— Отлично. Но?.. Полагаю, есть какое-то «но».

— Э-э... исчез один из Лающих Псов. Помните, из новой партии? Которую вы велели испытать. Мы не вполне... то есть... мы думаем, что, наверное, на капитана Три Высоких Древа напали из засады... Поступает противоречивая информация... Наш... гм-м, осведомитель утверждает, что... видимо, это Великий Волшебник и его магия виноваты... — Гонец припал к земле.

В ответ лорд Хон еще раз вздохнул. Магия... В империи она популярностью не пользовалась, к ней прибегали лишь для сугубо приземленных и практических целей. Она считалась чем-то *некультурным*. Магия — она же не знает отличий. А благодаря ей власть может попасть в руки человека, который даже ради спасения собственной жизни не сможет написать приличную поэму. Прецеденты уже были. Поэмы не получилось.

Лорд Хон верил в совпадения, но не в магию.

— Очень странно, — произнес он.

Встав, лорд Хон снял со стойки меч. Меч был длинным и изогнутым. Его выковал самый искусный кузнец в империи, и этим искусным кузнецом был лорд Хон. Люди говорили, нужно учиться целых двадцать лет, чтобы выковать более-менее приличный меч. Так что пришлось слегка поднапрячься. Лорд Хон уложился

в три недели. Главное — сосредоточиться на проблеме, вот и весь секрет...

Посланник в очередной раз уткнулся головой в пол.

— Офицера, я полагаю, казнили? — уточнил лорд Хон.

Посланник попытался было проскрести в полу дырку, но потом решил сознаться.

— Да! — пискнул он.

Лорд Хон взмахнул мечом. Послышался свистящий звук, напоминающий шуршание шелка. О пол что-то глухо ударилось, будто большой кокос. Звякнула посуда.

Гонец открыл глаза. Осторожно потрогал голову — она по-прежнему держится на плечах или отвалится при первом же удобном случае? О мечах лорда Хона ходили страшные истории.

— Ты можешь подняться, — произнес лорд Хон.

Он тщательно вытер лезвие и положил меч на место. Затем протянул руку и извлек из одеяний девушки, занимавшейся чайной церемонией, маленькую бутылочку.

Вытащив пробку, лорд Хон пролил на пол несколько капель. Упав на половицы, капли зловеще зашипели.

— Это уже начинает утомлять, — скучающе промолвил он. — Неужели им самим еще не надоело?.. — Он перевел взгляд на слугу. — Скорее всего, Лающего Пса украл лорд Тан или лорд Максвини, чтобы позлить меня. Волшебнику удалось скрыться?

— Похоже на то, о господин.

— Отлично. Не давайте ему расслабляться. И распорядись, чтобы прислали другую служанку. С головой.

Честно говоря, Коэн-Варвар был очень даже неплохим человеком. Если у него не было причин убивать вас — к примеру, вы могли обладать каким-нибудь особо ценным сокровищем или, допустим, стоять между ним и его целью, — так вот, если подобные причины отсутствовали, то вам ничто не угрожало. Ринсвинд прежде пересекался с ним пару раз — как правило, убегая от очередной опасности.

Коэн не приставал с расспросами, поскольку относился к жизни очень просто: люди приходят, люди уходят. Увидев вас после пятилетнего перерыва, он мог сказать что-нибудь вроде: «А, это ты» — и все. Никаких вопросов типа: «Как у тебя дела?» и так далее. Вы живы, стоите на ногах, а все остальное его не волнует.

Стоило спуститься с гор, как сразу же потеплело. К огромному облегчению Ринсвинда, лошадь есть не пришлось — с ветки дерева прыгнула какая-то леопардоподобная тварь и предприняла попытку выпотрошить Коэна.

У твари оказался довольно пряный привкус.

Ринсвинду *доводилось* есть лошадей. С течением лет он приучил себя есть что угодно — если только оно не соскакивает, яростно извиваясь, с вилки. Но сейчас его нервы и так были слишком расшатаны, чтобы он мог хладнокровно закусить каким-нибудь Ветерком.

— Как они тебя поймали? — спросил он, когда они вновь пустились в путь.

— Я был занят.

— Коэн-Варвар? Был слишком занят, чтобы *драться*?

— Не мог огорчить девушку отказом. Такой уж я. Отправился в деревню разузнать новости, ну, слово за слово, одно, другое, а потом эти солдаты набежали — откуда только взялись? А в наручниках драться, знаешь ли, трудно. Главным у них такая сволочь, ни в жизнь не забуду эту рожу. Ну, нас согнали, человек шесть, мы вытолкали этого Лающего Пса на поле, потом нас приковали к дереву, один из этих типов поджег шнур.. А потом появился ты и сделал так, что эта штуковина испарилась.

— Я этого не делал. Во всяком случае, все не совсем так, как ты себе представляешь.

Коэн наклонился к Ринсвинду.

— Кстати, я, кажется, понял, что это была за штуковина, которую на нас наводили, — сказал Коэн и, весьма довольный собой, откинулся в седле.

— Да?

— Это что-то вроде фейерверка. Здесь все буквально помешаны на фейерверках.

— В смысле это когда сворачиваешь листок синей туалетной бумаги и засовываешь себе в нос?¹

¹ ДЕТИ! Только очень глупые и к тому же сильно простуженные волшебники поступают так. *Разумные* же люди наблюдают издали, из-за специальных веревочных ограждений, как облаченный в специальную защитную одежду человек поджигает (с помощью очень длинной палки) какую-то штуку, которая чуть погодя издает звук «фссст». А потом разумные люди кричат «ура!» и всячески наслаждаются жизнью.

— Тут фейерверки используются, чтобы отгонять злых духов. Этих злых духов у них пруд пруди. Неудивительно, народ пачками мрет...

— М-мрет?

Ринсвинду всегда казалось, что Агатовая империя — мирное место. Цивилизованное. Они много чего *изобретают*. Фактически, вспомнил он, однажды ему даже довелось способствовать внедрению кое-каких имперских изобретений в Анк-Морпорке. Но то были простые, невинные предметы вроде часов, приводимых в действие бесами, ящичков, рисующих картинку, и запасных глаз из стекла, которые можно носить поверх ваших собственных и которые помогают лучше видеть (даже если как следствие люди, увидевшие вас в этих стеклышках, долго оглядываются и показывают на диковинное зрелище пальцами).

Такое место просто обязано быть *скучным*.

— Ну да, пачками, — кивнул Коэн. — К примеру, население слегка запаздывает с выплатой налогов. Выбираешь негодный город, вырезаешь всех, дома поджигаешь, стены сравниваешь с землей, а пепел пускаешь по ветру. Убиваешь двух зайцев сразу: во-первых, избавляешься от негодных, а во-вторых, все остальные твои подданные внезапно становятся как шелковые, ведут себя вежливо и больше с проплатами не тянут. Я так понимаю, правительству это очень с руки. А если потом кто-нибудь что-нибудь вякнет, тебе надо лишь спросить: «Помнишь Нунгнунг?», ну, или любой другой город, а они в ответ: «Какой Нунгнунг?», а ты: «Вот и я о том же».

— Уму непостижимо! Да если бы что-нибудь подобное попробовали сотворить у нас...

— Древние традиции, ничего не попишешь. Тут все считают, что именно так и должны вестись дела в стране. Они делают то, что им велят. Здесь с людьми обращаются как с рабами. — Коэн осклабился. — Не то чтобы я против рабов как таковых. У меня самого было несколько. А пару раз *мне* довелось быть рабом. Но где рабы, там и... что?

Ринсвинд задумался.

— Плетки? — наконец осенило его.

— Точно. С первого раза догадался. Вот раб, вот плеть, это *честно*. Ну а здесь... тут совсем плеток нет. Тут кое-что другое, похуже.

— И что же? — на лице Ринсвинда отразилась легкая паника.

— Скоро сам все узнаешь.

Ринсвинд непроизвольно оглянулся на бывших узников. Те шли следом, соблюдая почтительную дистанцию, и смотрели на него и Коэна с раболепным восхищением. Некоторое время назад Ринсвинд швырнул им кусок леопарда. Они сначала тарасились на угощение как на яд, но потом ничего, съели, как самую настоящую еду.

— Они все еще идут за нами, — заметил Ринсвинд.

— Неудивительно, ты же дал им мяса, — крикнул Коэн, зажигая послеобеденную самокрутку. — А зря. Надо было бросить им усы и, допустим, когти. Они бы такой обед из этого состряпали, ты не поверишь. Знаешь, какое у них основное блюдо там, на побережье?

— Нет.

— Суп из свиного уха. И что ты на это скажешь? О чем это, по-твоему, говорит?

Ринсвинд пожал плечами.

— Что они очень бережливые?

— Что всю остальную свинью жрет какая-то влиятельная сволочь.

Коэн повернулся в седле. Бывшие узники в панике попятились.

— Эй, послушайте, — произнес он. — Я же *сказал* вам. Вы свободны. Понятно?

— Да, хозяин, — откликнулся один из группы, видимо, самый смелый.

— Никакой я вам не хозяин. Вы *свободны*. Можете идти куда пожелаете, только не за мной, иначе я вас прибью. А теперь уберите прочь!

— Куда, хозяин?

— Куда угодно! Главное, с глаз моих долой!

Бывшие пленники обменялись одинаковыми встревоженными взорами, после чего все как один повернулись и затрусил прочь.

— Наверное, направились напрямик в свою деревню, — Коэн закатил глаза. — Говорю тебе, это хуже плеток.

Он махнул костлявой рукой, указывая на простирающийся вокруг ландшафт.

— Странная, проклятая страна, — произнес он. — Ты слышал, что империю окружает стена?

— Чтобы... э-э... не могли войти... эти, гм, варвары?..

— О да, очень мудрый способ защиты, — саркастически усмехнулся Коэн. — Вроде как приезжаем мы туда, смотрим: ба! — да

тут двадцатифутовая стена, поедем-ка мы лучше обратно подобру-поздорову, ну и что, что три тысячи миль, все равно лучше убраться, чем взять и наделать лестниц из сосны, которая тут на каждом углу растет. Нет! Стенку они построили для того, чтобы никто не мог *выйти*! А законы? Да у них на все есть закон. Тут даже в туалет не ходят без бумажки.

— Ну, по правде сказать, я и сам пользуюсь...

— Я не об этом. На их бумажках написано, что, согласно такому-то верховному указу, им разрешается пойти куда надо и по строго определенным делам. Без бумажки нельзя уехать из деревни. Жениться тоже нельзя. Нельзя даже по... в общем, сам знаешь что. Все, приехали.

— Вот-вот, — поддержал его Ринсвинд.

Коэн вперился в него подозрительным взглядом.

— Что «вот-вот»? Тебе-то откуда знать, что мы приехали?

Ринсвинд предпринял попытку пошевелить мозгами. День выдался долгим. Из-за разницы во времени он длился на несколько часов дольше, чем большинство пережитых им дней, и содержал в себе два обеда, ни один из которых не содержал в себе ничего достойного этого гордого имени.

— Э-э... Ну, я подумал, ты говоришь в целом, вроде как делаешь обобщенное философское заключение, — наконец осмелился сказать Ринсвинд. — Все, приехали... Э-э... Типа как «империя окончательно загнила».

— Нет. Я имел в виду, что это мы приехали.

Оглядевшись, Ринсвинд увидел лишь заросли колючего кустарника, несколько валунов и отвесную скалу.

— Но я ничего не вижу... — осторожно заметил он.

— Ага. В этом весь смысл. Добро пожаловать ко мне домой.

В Агатовой империи основой дипломатии было «Искусство Войны».

Совершенно очевидно, что война имеет полное право на существование. Она — краеугольный камень процесса управления. Именно войны приносят империям достойных вождей. Бюрократы и всякие там чиновники получают свои должности, сдавая многочисленные экзамены, проходя собеседования. Тогда как для настоящего вождя такой экзамен — война. И надо сказать, этот экзамен не пересдашь.

Однако на войне должны быть строгие правила. Иначе это будут не войны, а самые обычные варварские драки.

Поэтому сотни лет назад и было создано «Искусство Войны», а также сформулированы его основные постулаты. К примеру, персона императора была объявлена священной и неприкосновенной, а бой, затеянный внутри Запретного Города, приравнивался к преступлению. Были, разумеется, и другие, более общие, принципы цивилизованного ведения войны. Существовали правила о диспозиции, о тактике, о дисциплинарных взысканиях, о правильной организации снабжения армии. В «Искусстве» излагалась оптимальная линия поведения на любой случай. Таким образом, война в Агатовой империи стала гораздо более *разумной* и состояла главным образом из кратких приступов активности, которых сменяли длинные периоды разыскивания в оглавлении нужного параграфа.

Автора «Искусства Войны» никто не помнил. Некоторые говорили, что трактат создал Один Цу Сун, другие утверждали, что Три Су Цун. Хотя, возможно, на самом деле автором был некий невоспетый гений, который написал — или, точнее, нарисовал — первый основополагающий принцип, гласящий: «Познай врага своего — и самого себя познай заодно».

Лорд Хон считал, что кого-кого, а себя он знает очень хорошо. С распознаванием врагов особых проблем тоже не возникало. Более того, он заботился о своих врагах, постоянно справлялся об их здоровье, беспокоился о благополучии.

Взять, к примеру, лордов Суна, Фана, Тана и Максвини. Он их холил и лелеял. Лелеял их *адекватность*. Все четверо обладали мозгами, адекватными для воинов, — то есть помнили наизусть все Пять Правил и Девять Принципов Искусства Войны. А еще они писали крайне адекватные поэмы и были достаточно умны и коварны, чтобы противостоять переворотам, затеявшимся в их собственных рядах. Время от времени они подсылали к нему убийц, достаточно квалифицированных, чтобы развлекать лорда Хона, поддерживать в нем интерес и помогать ему не выходить из формы.

А их адекватное вероломство! Этим он даже где-то восхищался. Ну разве могут быть какие-то сомнения в том, что следующим императором станет лорд Хон?! Хотя, когда дойдет до дела, они все равно станут бороться за престол. По крайней мере, официально. Вообще-то говоря, каждый из вельмож уже давно в частной беседе с лордом Хоном торжественно выразил ему свою полную и безого-

ворочную поддержку, проявив тем самым адекватную разумность, ибо соперники лорда Хона недолго заживались на свете. О, разумеется, борьба все равно будет — но исключительно ради зрителей.

Познай врага своего. Лорд Хон решил найти стоящего врага. Поэтому приказал, чтобы ему доставляли из Анк-Морпорка самые свежие новости. Организовать это было нетрудно. У лорда Хона везде были шпионы. Сам Анк-Морпорк понятия не имел о том, что его кто-то там записал себе во враги, но враг и должен оставаться в неведении.

Сначала лорд Хон поразился до глубины души, потом искренне заинтересовался и в конце концов растаял в восхищении от увиденного...

«Вот где я должен был родиться, — думал он, переводя взгляд с одного члена Светлейшего Совета на другого. — Ради игры в шахматы с кем-нибудь вроде лорда Витинари. О да, такой человек, как лорд Витинари, будет часа три смотреть на доску, прежде чем сделать первый ход...»

Лорд Хон повернулся к евноху-протоколисту Светлейшего Совета.

— Ну что, можем мы наконец продолжить? — осведомился он.

Протоколист нервно лизнул кисточку.

— Я почти закончил, о господин, — откликнулся он.

Лорд Хон вздохнул.

Будь проклята эта каллиграфия! Нет, перемены решительно необходимы! Письменность, в которой семь тысяч букв! Целый день уходит на то, чтобы записать тринадцатисложный стих о белом пони, скачущем среди диких гиацинтов! Да, это было прекрасно, это было красиво, и никто не сочинял стихи лучше, чем лорд Хон. Но в Анк-Морпорке алфавит состоял из двадцати шести невыразительных, уродливых, грубых букв, подходящих лишь для крестьян и ремесленников... а они создают стихи и пьесы, оставляющие в душе раскаленный добела след. Не говоря уже о том, что на этом языке и протоколы пишутся куда быстрее.

— До какого места ты дописал? — осведомился он.

Евнух вежливо кашлянул.

— «Подобно нежному касанию лепестка абрико...» — начал читать он.

— Да, да, да, — лорд Хон нетерпеливо помахал рукой. — Может быть, на этот раз обойдемся без поэтического обрамления?

— Гм. «Протокол последнего собрания должным образом подписан».

— Это все?

— Почти, мой господин, осталось только дорисовать цветочки возле...

— Я хочу, чтобы протокол собрания Совета был закончен сегодня вечером. Убирайся.

Евнух встревоженно пошарил взглядом по столу, сгреб свитки и кисточки и заковылял прочь.

— Прекрасно, — произнес лорд Хон и кивнул вельможам.

Для лорда Тана он приберег специальный, особенно дружеский кивок. Лорд Хон очень осторожно раздавал подобные знаки внимания, однако, похоже, лорд Тан и в самом деле был человеком чести. Чести довольно неразборчивой и весьма побитой, однако определенно наличествующей, а с такими явлениями следует считаться и ни в коем случае не сбрасывать их со счетов.

— Ну что ж, господа, продолжим без свидетелей, — произнес он. — Надо обсудить вопрос мятежников. Шпионы донесли до меня тревожные слухи.

Лорд Максвини кивнул.

— Я приказал, чтобы в Сум-Диме казнили тридцать мятежников, — сказал он. — В качестве примера для остальных.

«И в качестве доказательства твоей безмозглости», — подумал лорд Хон. Согласно имеющейся у него информации, а никто не располагал информацией более достоверной, чем он, в Сум-Диме не было ни одного человека из Красной Армии. Но теперь, несомненно, будут. Все идет как по маслу.

Прочие присутствующие также произнесли краткие, но исполненные самолюбования речи, восхваляющие их скромные усилия по превращению еле заметного смятения в умах в кровавую революцию — хотя ни один из собравшихся этого, конечно, не понимал.

Под внешним налетом бравады они нервничали. Лорды напоминали овчарок, которые краем глаза увидели мир за пределами овечьего загона.

Лорд Хон всячески поддерживал их тревогу. Он намеревался использовать ее, и очень скоро. Он улыбался и улыбался.

Наконец он произнес:

— Однако, мои лорды, несмотря на принимаемые вами и заслуживающие всяческого восхищения меры, ситуация остается серьез-

ной. Поступила информация, что из Анк-Морпорка на подмогу мятежникам прибыл самый главный из анк-морпоркских волшебников и что существует заговор по ниспровержению прекрасной, существующей ныне организации поднебесной империи и убийству императора, да живет он еще десять тысяч лет. Я делаю естественное предположение, что за всем этим стоят заморские бесы.

— Ничего об этом не знаю! — резко сказал лорд Тан.

— Мой дорогой лорд Тан, а я и не говорил, что ты должен об этом знать, — ответил лорд Хон.

— Я хотел сказать... — начал лорд Тан.

— Твоя преданность императору не подлежит сомнению, — продолжал лорд Хон с мягкостью ножа, рассекающего теплое масло. — Правда заключается в том, что почти наверняка этим людям помогает кто-то высокопоставленный, однако нет абсолютно никаких причин подозревать, что это ты.

— Надеюсь, что нет!

— Воистину это так.

Лорд Фан и Максвини слегка отодвинулись от лорда Тана.

— Ума не приложу, как же это случилось? — начал лорд Фан. — Конечно, нельзя отрицать, иногда находятся безумцы, которые уходят туда, за Великую Стену. Однако допускать, чтобы они *возвращались*...

— Увы, предыдущему великому визирю не чужды были порой некоторые причуды, — откликнулся лорд Хон. — Он считал, что будет интересно узнать, какие сведения принесут такие «возвращенцы».

— Сведения? — воскликнул лорд Фан. — Этот город... Анк... Мор... Пок — сушая мерзость! Чистой воды анархия! Там, судя по всему, вообще нет традиций дворянства, и тамошнее общество представляет собой просто-напросто термитник! Было бы лучше для нас, мои лорды, если бы этот город был вообще стерт с лица Диска!

— Очень мудрый и проницательный комментарий, лорд Фан, — кивнул лорд Хон. Тем временем какая-то его часть каталась по полу от смеха. — Я прослежу, чтобы к покоям императора поставили дополнительную стражу. Мы не пустим беду на порог.

Он внимательно разглядывал лордов, которые внимательно разглядывали его. «Они считают, что я хочу править империей, — думал он. — Так что все они — за исключением лорда Тана, сорат-

ника мятежников, каковым он неминуемо окажется, — пытаются сейчас вычислить, как обратить это в свою пользу...»

Распустив собрание, лорд Хон вернулся в свои покои.

Считалось безусловным фактом, что призраки и демоны, обитающие за пределами Великой Стены, не имеют никакого понятия о культуре и тем более слыхом не слыхивали о книгах. Поэтому обладание всякими официально не существующими объектами каралось смертной казнью. С конфискацией.

Лорд Хон собрал изрядную библиотеку. Он даже раздобыл карты.

И не просто карты. В комнате с зеркалом до потолка он держал ящичек, всегда запертый...

Не сейчас. Позже...

Анк-Морпорк. Само название искушало и манило.

Все, что надо, это один год. Ужасающее пугало мятежа позволит ему выковать такую военную мощь, о которой не мечтал даже самый безумный император. А потом будет совершенно естественным построить флот и отправить его вершить расправу над заморскими демонами. Спасибо тебе, лорд Фан. Твой призыв будет подхвачен и поддержан.

И какая разница, кто император?! Пускай империя будет дополнительным призом, который он получит позже — так, походя. А сейчас ему нужен Анк-Морпорк с его деловитыми гномами и достижениями, прежде всего техническими. Взять, к примеру, тех же Лающих Псов. Добрая половина из них взорвались. А все потому, что их отлили по неточным чертежам. Задумка была правильной, но реализация — поистине смертоносной. Не только для врага, но и для всех тех, кто стоял поблизости от Лающего Пса.

Зато, когда лорд Хон взглянул на эту проблему под анк-морпоркским углом зрения, глаза его словно бы открылись. Какое разумное устройство общества, а ведь и действительно, лучше поручить работу благородного пушкодела какому-нибудь крестьянину, хорошо разбирающемуся в металлах и взрывчатых веществах, нежели чиновнику, который получил самую высокую оценку на экзамене, где требовалось написать стих о железе. В Анк-Морпорке люди *делают* вещи.

Вот он идет как хозяин по Брод-авеню, вот пробует пироги прославленного Себя-Режу-Без-Ножа Достабля. А вот играет в шахматы с лордом Витинари. Кстати, надо будет не забыть

оставить ему хотя бы одну руку, иначе последняя мечта так и не осуществится.

Лорда Хона трясло от возбуждения. Да, да... сейчас. Пальцы потянулись к секретному ключику на цепочке, который висел у него на шее.

Это была почти и не тропинка вовсе. Ее бы даже кролики не заметили, протрусив спокойно мимо. Сплошная отвесная скала — и вдруг в ней возникает узенькая, незаметная щелочка.

Ну а дальше вам оставалось только двигаться вперед. Расселина открывалась в длинную лощину с несколькими естественными пещерами, ошметками травы и ручейком.

И с шайкой Коэна. Разве что он называл ее Ордой. Орда сидела на солнышке и жаловалась, что нынче уже не так тепло, как раньше.

— Эй, парни, я вернулся, — произнес Коэн.

— А ты уходил, что ли?

— Чиво? Чивоонгрит?

— ВЕРНУЛСЯ, говорит.

— Обулся? Во что?

Гордо улыбаясь, Коэн посмотрел на Ринсвинда.

— Вот, привел с собой, — сообщил он. — Как я уже говорил, в наше время трудно работать в одиночку.

— Э-э... — протянул Ринсвинд, понаблюдав некоторое время за пасторальной сценой. — А есть среди них кто-нибудь, кому меньше восьмидесяти?

— Конечно. Эй, Малыш Вилли, покажись-ка, — позвал Коэн.

Из небольшой кучки стариков поднялся скрюченный человечек с явными признаками обезвоживания и лишь слегка менее морщинистый, чем остальные. Особенно бросались в глаза его ноги. Он носил ботинки с чрезвычайно толстыми подошвами.

— Это чтоб ноги доставали до земли, — объяснил он.

— А в обычных ботинках они... э-э... не достают?

— Не-ка. Ортопедическая проблема. Это как... Знаешь, есть много людей, у которых одна нога короче другой? Так вот, у меня такая, понимаешь, забавная штука...

— Не говори! — воскликнул Ринсвинд. — Иногда на меня находят поразительные озарения... А у тебя *обе* ноги короче?

— Ну надо ж, насквозь видит. Даром что волшебник, — восхитился Малыш Вилли.

Следующего старца Ринсвинд наградил сияющей улыбкой сумасшедшего. Почти с полной уверенностью можно было утверждать, что улыбается он человеческому существу. Ведь сморщенные обезьянки обычно не передвигаются в креслах с колесиками и не носят шлемов с рожками. Существо скорчило Ринсвинду гримасу.

— А это...

— Чиво? Чиво?

— Хэмиш Стукнутый, — представил Коэн.

— Чиво? Этактоита?

— Готов поклясться, это кресло повергает врагов в *ужас*, — произнес Ринсвинд. — Особенно его спицы.

— Мы чуть кишки себе не надорвали, перетаскивая его через Великую Стену, — признал Коэн. — Но видел бы ты, с какой скоростью оно катается!

— Чиво?

— А это Маздам Дикий.

— И тебя в то же место, волшебник.

Поглядев на экспонат номер три, Ринсвинд просиял.

— Шикарные костыли... Просто дух захватывает! А эти надписи на них, «ЛЮБОВЬ» и «НЕНАВИСТЬ», — очень романтично. Коэн улыбнулся горделивой улыбкой собственника.

— Маздам считался одной из самых опасных задниц в мире.

— В самом деле? Правда?

— Ты не поверишь, что может натворить простая травяная свечка.

— Обращайся, поймеем, — пообещал Маздам.

Ринсвинд сморгнул.

— Слушай, Коэн, а можно один вопрос?

Он оттащил древнего варвара в сторону.

— Я не хочу, чтобы это выглядело так, будто я пришел мутить воду, — начал он, — но ты разве не замечаешь, все эти люди малость, как бы это сказать, просроченные? Несколько, не хочу слишком сильно это подчеркивать, староватые.

— Чиво? Чивоонгрит?

— Говорит, УШИ У НАС ВАТОЙ ЗАЛОЖЕНЫ!

— Чиво?

— О чем это ты? В них сконцентрировано почти пятьсот лет героического варварского опыта! — удивился Коэн.

— Пятьсот лет бойцового опыта — это, конечно, хорошо, — согласился Ринсвинд. — *Очень* хорошо. Но было бы неплохо, если бы он распределялся не на двух-трех человек, а чуточку побольше. Ну каких боевых действий можно от них ждать? Что они будут падать на противника?

— Ты не прав. — Коэн указал на человечка брэнного вида, который не отрываясь смотрел на большой чурбан из тика. — Взгляни-ка на старика Калеба-Потрошителя. Видишь? Голыми руками прикончил больше четырехсот человек. Сейчас ему восемьдесят пять. Только пыль смахнуть — и цены ему не будет!

— Какого черта он *делает*?

— Понимаешь ли, они ведь знают, что скоро им предстоит рукопашная. Рукопашная — это большое дело, славное дело, ведь людям здесь запрещено носить оружие, так что у большинства оружия не будет. Поэтому Калев освежает в памяти некоторые приемы. Видишь тиковый чурбан? Поразительно, что Калев способен сотворить с такой штукой. Он сначала издает леденящий душу вопль, а потом...

— Коэн, они все *глубокие старики*.

— Они сливки варварского сообщества!

Ринсвинд устало вздохнул.

— Коэн, они уже сыр. Зачем ты их тащил сюда?

— Они помогут мне кое-что украсть.

— Что? Какую-нибудь драгоценность?

— Так, кое-что, — буркнул Коэн. — Из Гункунга.

— В самом деле? А в Гункунге, наверное, большое население?

— Около полумиллиона.

— И уж конечно, полно стражников?

— Я слышал, тысяч около сорока. А если считать все их армии, то на три четверти миллиона потянет.

— Понятно. И значит, ты с полудюжиной этих ископаемых...

— Это Серебряная Орда, — не без гордости произнес Коэн.

— Кто-кто?

— Так их зовут. В нашем деле имя не последняя штука. Серебряная Орда.

Ринсвинд оглянулся. Некоторые сереброордынцы пригрелись на солнышке и задремали.

— Серебряная Орда... — протянул он. — Отлично. То есть по цвету их волос. То есть у кого *есть* волосы. Значит, с этими...

с этой Серебряной Ордой ты намерен ворваться в город, поубивать стражников и обчистить сокровищницу?

— Ага, вроде того, — кивнул Коэн. — Само собой, *всю* стражу убивать не понадобится...

— В самом деле?

— Жалко времени.

— Ну да, разумеется, надо оставить занятие на завтра.

— Я к тому, что они там будут заняты, революцией и всем прочим.

— Так у них там еще и революция? О боги.

— Говорят, кое-кто видел знамения, — сказал Коэн. — А еще говорят...

— Знамения, революция... А живут-то они когда? — удивился Ринсвинд.

— Мой тебе совет — оставайся с нами, — сказал Чингиз Коэн. — Рядом с нами тебе ничто не угрожает.

— О, вот в этом-то я как раз и не уверен, — оскалился в жуткой ухмылке Ринсвинд. — Совсем не уверен.

«Когда я один, — добавил он про себя, — со мной случаются только *обычные ужасы*».

Коэн пожал плечами и оглядел полянку. Его взгляд упал на фигуру худого, сухонького человечка. Тот сидел немного в стороне от остальных и читал какую-то книжку. Лицо Коэна просветлело.

— Ты только посмотри на него, — благодушно-покровительственно, словно говоря о собаке, научившейся новым фокусам, сказал он. — Вечно сидит, уткнувшись в книжку. — Он повысил голос. — Эй, Проф! Иди-ка сюда, объясни волшебнику, как добраться до Гункунга.

Он вновь повернулся к Ринсвинду.

— Проф расскажет тебе все, что ты хочешь знать, потому что он знает все. Я тебя оставляю с ним, а мне надо поговорить со Стариком Винсентом. — Он махнул рукой, словно отгоняя какую-то мысль. — Не то чтобы у него какие-то проблемы, — с вызовом сказал он. — Так, память немного сдает. Из-за этого по дороге сюда он заварил небольшую кашу. Я все твержу ему: Винсент, говорю, насилуют *женщин*, а поджигают *дома*...

— Насилуют? — не понял Ринсвинд. — Что-то тут...

— Ему восемьдесят семь, — перебил Коэн. — Только не вздумай пойти и грубо разрушить невинные стариковские мечтания.

Проф оказался высоким, похожим на палку человеком с дружелюбно-рассеянным выражением лица и легкой бахромой белых как снег волос, благодаря которым сверху он очень напоминал ромашку. Его облик определенно не соответствовал общим представлениям о кровожадном разбойнике — даже несмотря на то, что одет он был в слегка великоватую кольчугу, а со спины у него, закрепленные ремнями, свисали огромные ножны. Меча в них, впрочем, не было. Вместо меча из ножен торчали разнообразных размеров свитки и кисти. Кольчужная рубаха Профа была снабжена нагрудным кармашком. Из кармашка выглядывали цветные карандаши в кожаном чехольчике.

— Рональд Спасли, — представился он, пожимая руку Ринсвинда. — Эти господа очень льстят мне, отзываясь о моих познаниях. Итак, ты хочешь попасть в Гункунг, верно?

Ринсвинд как раз размышлял об этом.

— Ну, пока что я хочу узнать *дорогу* в Гункунг, — осторожно сказал он.

— Понятно. Ну что ж, в это время года я бы двигался в направлении заката, пока не закончатся горы и не начнется аллювиальная равнина с драмлинами и прекрасными экземплярами валунов, наглядно иллюстрирующих подвид «валунов случайных, рассеянных». До этой равнины примерно десять миль.

Ринсвинд изумленно вытаращился на него. Указания разбойников обычно звучат в духе «двигайся прямо, пока не пройдешь горящий город, а как пройдешь всех граждан, подвешенных за уши, поверни направо».

— Драмлины... Как-то угрожающе звучит, — осторожно заметил он.

— О, право, бояться не стоит, это не более чем постледниковые холмы, — объяснил Профессор Спасли.

— А как насчет этих самых валунов? Они что, так названы, потому что случайно-рассеянно падают тебе на...

— Это всего лишь валуны, движимые ледником и переносимые им на большие расстояния, — терпеливо растолковал Профессор Спасли. — В самом деле, беспокоиться абсолютно не о чем. Ландшафт начисто лишен какой-либо враждебности.

Ринсвинд ему не поверил. Самая простая почва ударяла его очень сильно и много раз.

— Однако, — продолжал Профессор Спасли, — Гункунг на данный момент несколько опасен.

— Да неужели? — Ринсвинд скривил губы в усталой улыбке.

— Это не совсем осада. Все просто-напросто ждут, когда император умрет. Имеет место то самое, что у них здесь называется, — он улыбнулся, — «интересные времена».

— *Ненавижу* интересные времена.

Прочие члены Орды разбрелись кто куда. Кто задремал, остальные жаловались друг другу на боли в ногах. Издалека доносился голос Коэна:

— Смотри, вот *это* спичка, а *это*...

— Знаешь, для варвара ты выражаешься очень интеллигентно, — заметил Ринсвинд.

— Право, я ведь начинал вовсе не как варвар. Раньше я был профессором, преподавал в разных школах. Поэтому меня и зовут Проф.

— И что ты преподавал?

— Географию. А еще меня очень интересовала ориентология.¹ Но я решил бросить преподавание и зарабатывать на жизнь мечом.

— После того как всю жизнь учил детишек?

— Согласен, это потребовало некоторого изменения перспективы.

— Но как же лишения, ужасные опасности, ежедневная близость смерти? Наверное, ты тоскуешь по прошлому...

Глаза Профессора Спасли радостно заблестели.

— Так ты тоже участвовал в учебном процессе?

Ринсвинд оглянулся на чей-то крик и увидел двух воинов Орды, склонившихся нос к носу и оживленно о чем-то споривших.

Профессор Спасли вздохнул.

— Я пытаюсь научить их игре в шахматы, — сказал он. — Эта игра помогает понять ум обычного ориентира. Но, похоже, у моих друзей начисто отсутствует понятие того, что ходы надо делать по очереди. А их представление о гамбите? Они думают, что гамбит — это когда ферзь с пешками всем кагалом кидаются вперед и поджигают лады противника.

¹ Ариент — принятое в Анк-Морпорке название Противовесного континента и близлежащих островов. Дословно означает: «место, откуда происходит золото».

Ринсвинд придвинулся ближе.

— Послушай, только между нами... *Чингиз* Коэн?.. — тихо произнес он. — Он что, совсем сошел с ума? В смысле если речь идет о том, чтобы прирезать с полдюжины жрецов, из которых песок сыплется, и стащить пару поддельных бриллиантов, это *ладно*. Однако атаковать сорокатысячную стражу — это же верная смерть!

— Но он ведь будет не один, — безмятежно откликнулся Профессор Спасли.

Ринсвинд растерянно заморгал. Коэн действовал на окружающих как вирус. Он распространял оптимизм, будто обычную простуду.

— Ах да. Разумеется. Прошу прощения. И как я мог забыть?! Семеро против сорока тысяч? Не думаю, что у вас возникнут какие-либо проблемы. Ну, я, пожалуй, пойду. Скорее даже побегу.

— У нас разработан План. Это будет... — Профессор Спасли на секунду-другую прервался. Его глаза подернулись легкой дымкой. — Ну, как это слово... Это еще делают с камнями и палками. Иногда с людьми. В общем, это будет самое большое оно в истории.

Ринсвинд в ответ лишь тупо уставился на него.

— Кажется, там оставалась лишняя лошадь.

— Вот, у меня кое-что есть для тебя, — прервал его Профессор Спасли. — Так ты, наверное, лучше поймешь, что к чему. Здесь изложена самая суть...

Он вручил Ринсвинду небольшую кипу бумажек, сшитых вместе тонким шнурком.

Торопливо засовывая листки в карман, Ринсвинд успел прочесть лишь заглавие на первой странице. Оно гласило:

«КАК Я ПРОВЕЛ ОТПУСК»

Ринсвинд сделал свой выбор. Что у нас имеется? Во-первых, город Гункунг, осажденный, исполненный всяческих опасностей и пульсирующий под напором революции. А во-вторых, все прочие города Диска.

Следовательно, крайне важно было поточнее разузнать местонахождение Гункунга, чтобы по ошибке на него не напороться. Ринсвинд очень внимательно выслушал инструкции Профессора Спасли и направился в строго противоположную сторону.

Где-нибудь на побережье можно будет сесть на корабль. Разу-

меется, волшебники удивятся, увидев, что он вернулся так быстро, но всегда можно отовратиться, что, мол, дома никого не было.

Холмы сменились бугристыми пустошами. За теми, в свою очередь, потянулась нескончаемая сырая равнина. Сквозь пропитанный влагой воздух просматривалась река, такая извилистая и петляющая, что временами создавалось впечатление, будто она течет задом наперед.

Равнина представляла собой шахматную доску культивации. Ринсвинду нравилась сельская местность — в теории, разумеется; при условии, что она не поднимается ему навстречу и для разнообразия находится по ту сторону городской стены. Но то, что раскинулось у него перед глазами сейчас, вряд ли можно было назвать сельской местностью. Скорее это напоминало одну большую ферму, части которой не отделяются друг от друга заборами или какими-либо другими ограждениями. Там и сям торчали огромные валуны, на вид угрожающего, случайно-рассеянного происхождения.

Время от времени вдалеке Ринсвинд видел занятых какой-то работой людей. Насколько ему удалось понять, основу их деятельности составляло перетаскивание грязи с одного места на другое.

А один раз он увидел человека, который, стоя по щиколотку в грязи на затопленном водой поле, держал на веревке вола. Вол щипал траву и время от времени извергал содержимое кишечника. Человек держал веревку. Создавалось устойчивое впечатление, что это его единственное занятие и единственная профессия.

Впрочем, на пути Ринсвинда попадались и другие местные жители. По большей части они толкали тачки, груженные навозом — а может, и грязью. На Ринсвинда они не обращали никакого внимания. *Подчеркнуто* не обращали внимания — минувя его, они пристально изучали динамику перемещения грязи под ногами или воловокишечные события на полях.

Ринсвинд готов был первым признать, что особой сообразительностью он не отличается.¹ Но даже он не мог не заметить очевидного. Эти люди не обращали на него никакого внимания, потому что в упор *не видели* людей, путешествующих верхом.

Вероятно, они были потомками людей, которые твердо усвоили: если слишком пристально смотреть на всадника, то можно испытать ряд очень острых ощущений. К примеру, от удара ду-

¹ Хотя на самом деле он был бы семьдесят третьим.

биной по уху. Таким образом, не-смотрение на всадников стало наследственной чертой. Те, кто смотрел на всадников взглядом, который мог быть истолкован как «неправильный», жили слишком недолго, чтобы успеть размножиться.

Ринсвинд решил проделать один эксперимент. В следующей с трудом перекатывающейся по грязи тачке была не грязь — в ней ехали люди, человек шесть, расположившихся на сиденьях по обе стороны от огромного центрального колеса. По идее, тачка должна была передвигаться с помощью небольшого паруса, но на деле в качестве ее основной движущей силы выступал главный мотор крестьянского сообщества — чей-то прапрадедушка или, по крайней мере, кто-то очень похожий на чьего-то прапрадедушку.

«Здесь люди будут толкать тачку тридцать миль, и все на миске подгорелого проса вперемешку с говяжьими костями. О чем тебе это говорит? *Мне* это говорит о том, что кто-то другой жрет вырезку!» — заметил как-то Коэн в разговоре с Ринсвиндом.

Ринсвинд решил поподробнее исследовать общественную динамику, а заодно испытать свой разговорный агатский. Прошло уже несколько лет, с тех пор как он в последний раз разговаривал на этом языке, однако следовало признать, что Чудакулли был прав. Ринсвинд действительно обладал способностями к языкам. Агатский язык состоял из нескольких основных слогов. Смысл зависел от тона голоса, ударения и контекста. Слово, в одной ситуации трактующееся как «генерал», в других случаях могло означать и длиннохвостого сурка, и мужской половой орган, и ветхий курятник.

— Эй, вы! — прокричал Ринсвинд. — Э-э... согнуть бамбук? Выражение неодобрения? Э-э-э... В смысле... Стойте!

Тачка остановилась прямо посреди бескрайней лужи. На Ринсвинда по-прежнему никто не смотрел. Все смотрели мимо него, или вокруг него, или ему под ноги.

В конце концов человек, толкавший тачку, как тот, который точно знает: что ни делай — все равно будешь виноват, пробормотал:

— Что прикажет ваша честь?

Впоследствии Ринсвинд глубоко сожалел о том, что сказал в ответ.

А в ответ он сказал:

— Значит, так. Отдайте мне всю свою еду и... неохотных собак, понял?

Местные жители удивленно воззрились мимо него.

— Черт. В смысле... упорядоченных пчел?.. вид водопада?.. Ах да... *деньги*.

Пассажиры неловко заерзали и зашущукались. Потом толкавший тачку человек бочком, опустив голову, подошел к Ринсвинду и протянул ему свою шляпу. В шляпе было немного риса, пара сушеных рыбешек и крайне подозрительного вида яйцо. И в больших круглых монетах около фунта золота.

Ринсвинд уставился на золото.

На Противовесном континенте золото встречалось в том же изобилии, что и медь. Этот факт был одним из немногих широко известных фактов о Противовесном континенте. В таких условиях затевать какой-нибудь крупный грабеж Коэну просто-напросто не имело смысла. Есть предел тому, сколько может унести любой, даже самый сильный, человек. С таким же успехом он мог бы ограбить крестьянскую деревушку и жить до конца дней как король. Больше он все равно не смог бы потратить.

Вдруг до Ринсвинда дошло, что он сделал, и ему стало очень стыдно. У этих людей почти ничего не было, кроме золота.

— Э-э. Спасибо. Благодарю. Да. Просто проверка. Да. Можете взять обратно. Я только... э-э... оставлю себе... престарелую бабуську... бежать боком... о проклятье... одну *рыбку*.

Ринсвинд всегда находился на самом дне социальной ямы. Независимо от размера этой ямы. Глубина ее варьировалась, однако дно всегда оставалось дном. Но, по крайней мере, яма эта была анк-морпоркской.

В Анк-Морпорке никто никому не кланяется. И если бы ему взбрело в голову подойти к анкморпоркцу и потребовать все его деньги, то к этому моменту он уже обшаривал бы сточную канаву в поисках своих зубов и скулил от боли в паху, а его лошадь была бы дважды перекрашена и продана человеку, который клялся бы, что лошадь принадлежит ему вот уже двенадцать лет.

Сей факт вызвал в нем странную гордость.

Из мутных глубин Ринсвиндовой души, раздуваясь, поднималось непонятное чувство. К собственному изумлению, он обнаружил, что это порыв щедрости.

Ринсвинд спешил и взялся за поводья. Лошадь, конечно, полезная тварь, но он привык обходиться без нее. Кроме того,

на короткие дистанции человек бежит быстрее лошади, а иногда первый рывок решает все.

— Вот, — произнес Ринсвинд. — Можете ее взять. В обмен на рыбу.

Человек, толкавший повозку, завопил, схватился за ручки и что было силы рванул с места, так что тачка затрещала. Несколько человек выбросило на землю. Они бросили почти-взгляд на Ринсвинда, тоже заорали и кинулись догонять тачку.

Это похуже плеток будет, сказал Коэн. В империи было кое-что похуже плеток и побоев. Необходимость в плетках просто *оттала*. Если с людьми твориться такое... Ринсвинд надеялся никогда не узнать, при помощи *чего* империя управляет своими подданными.

Он ехал и ехал, но панорама полей казалась бескрайней. Ни тебе обглоданных кустарников вдоль обочины, ни придорожных постоянных дворов. Очень далеко вырисовывались неясные силуэты затерянных среди полей не то городков, не то деревушек, но тропинок к ним, по всей видимости, не прилагалось — вероятно, потому, что тропинки занимают под себя ценные сельскохозяйственные площади.

Утомившись, Ринсвинд спешил, присел на камень — настолько вросший в землю, что его невозможно было бы сдвинуть с места даже согласованными усилиями всех окрестных крестьян, — и потянулся к карману за отобранной у бедного люда сушеной рыбкой.

Пальцы его нащупали пачку листов, которые сунул ему Профессор Спасли. Ринсвинд вытащил бумаги и стряхнул с них табачные крошки.

«Здесь изложена самая суть», — сказал профессор-варвар. Однако он не уточнил, какая именно суть.

«КАК Я ПРОВЕЛ ОТПУСК» — гласило заглавие. Честно говоря, почерк был кошмарным — вернее даже, не почерк: жители Агатовой империи писали картинками. Причем слово «емкий» не совсем точно описывало стиль их письма, скорее тут подошло бы слово «всеобъемлющий», поскольку одна картинка могла нести в себе тысячи значений.

Ринсвинд не очень хорошо читал на агатском. Даже в огромной библиотеке Незримого Университета было всего лишь несколько книг на этом языке. А листки, которые он держал в руках сейчас, выглядели так, будто тот, кто написал все это, очень волновался, столкнувшись с абсолютно непонятными для себя вещами.

Ринсвинд перелистнул пару страниц. Речь шла о некоем Великом Городе, в котором, по словам рассказчика, сосредоточились поистине удивительные, величественные вещи — к примеру, «пиво, крепкое, как удар воловьего копыта» и «пирог, содержащие самые разные части свиньи». Все без исключения жители города отличались мудростью, добротой и силой или всем, вместе взятым, в особенности персонаж по имени Великий Волшебник, упоминания о котором очень часто встречались на страницах.

Кроме того, текст пестрел всевозможными наблюдениями за жизнью Великого Города типа: «Я был свидетелем, как человек наступил на ногу Стражнику у городских ворот, и Стражник сказал ему: «Твоя жена — форменная корова!», на что человек ответил: «Да видел я тебя в месте, где солнце не светит, огромный человек», но Стражник [далее рассказчик перешел на красные чернила, и рука его задрожала пуще прежнего], *вопреки древнему обычаю, не отделил голову наглеца от его тела*». Заканчивалось описание пятью изображениями пса, извергающего жидкость, — по некоей непонятной причине у агатцев эта пиктограмма означала восклицательный знак.

Ринсвинд стал наугад просматривать страницы. Схема была одна и та же: сначала шло описание, представляющее собой констатацию очевидного факта, а затем (не всегда, но часто) — несколько уже знакомых Ринсвинду страдающих недержанием псов. Например: «Хозяин гостиницы сказал, что городские власти требуют налогов, но он не собирается их платить. А когда я спросил, не боится ли он так поступать, он удостоил меня следующим ответом: «[сложная пиктограмма] их всех, кроме одного, а этот пусть [сложная пиктограмма] сам себя [мочащийся пес, мочащийся пес]». После чего продолжил: «Этот [пиктограмма, обозначающая Верховного Правителя] — самая настоящая [еще одна пиктограмма, обозначающая, как решил Ринсвинд после некоторого размышления и разглядывания картинку под разными углами, лошадиную задницу], так можешь и передать ему». *Причем Стражник, находившийся в этот момент в таверне, не выпустил из него кишки* [мочащийся пес, мочащийся пес], а лишь сказал: «И от меня передай то же самое» [мочащийся пес, мочащийся пес, мочащийся пес, мочащийся пес, мочащийся пес]».

Спрашивается, и что такого странного нашел в случившемся рассказчик? Люди, описанные им, говорили так, как все время

говорили в Анк-Морпорке, — или, по крайней мере, выражали те же самые чувства. Непонятен был лишь пес.

Однако не следовало забывать, что страна, в которой стирают с лица Диска целый город, дабы преподать урок остальным, место, безусловно, сумасшедшее. Возможно, попавшие к Ринсвинду листки — это сборник анекдотов и он просто не понял, в чем соль. Быть может, здесь реагируют шквалом хохота на такие фразы бродячих комедиантов, как: «А вы знаете, по дороге в театр я встретил человека, так вот он вдруг взял и *не отчищал мне ноги*, мочающийся пес, мочающийся пес, мочающийся пес...»

Краем уха Ринсвинд уловил доносящееся с дороги звяканье упряжи, но не обратил на него ровно никакого внимания. Он не оторвался от чтения даже тогда, когда услышал звук приближающихся шагов. Ну а к тому времени, когда он все-таки решил поднять глаза, было уже поздно. Кто-то поставил ногу ему на шею.

— О, мочающийся пес, — проговорил Ринсвинд и отключился.

Раздался хлопок. В воздухе материализовался Сундук и тяжело рухнул в сугроб.

Из крышки торчал, чуть вибрируя, здоровенный мясной нож.

Некоторое время Сундук стоял неподвижно. Затем, исполнив многочисленными ножками сложный танец, повернулся на сто восемьдесят градусов.

Сундук не думал. Ему нечем было думать. Процессы, которые происходили внутри его, были куда более примитивны. Примерно так же дерево реагирует на солнце, дождь или внезапную грозу. Единственная разница в том, что Сундук реагировал куда быстрее.

Через некоторое время он, по-видимому, «собрался с пожитками» и побежал иноходью по тающему снегу.

Чувствовать Сундук тоже не умел. Ему нечем было чувствовать. Но в данном случае он реагировал так же, как дерево реагирует на смену времен года.

Сундук ускорил шаг.

Он вернулся домой.

Ринсвинду оставалось признать, что человек кричал по делу. Не в том, конечно, смысле, что отец Ринсвинда — больная печень подвида горной панды, а мать — ведро черепашьей слизи. Ринсвинд не был знаком ни с одним из своих родителей, но шестое чувство

подсказывало ему, что они оба в чем-то напоминали человекообразных, хотя, может, и не очень долго. Но что касается обладания ворованной лошадью, тут он припер Ринсвинда к стенке, а свою ногу — к его шее. Нога, стоящая на вашей шее, в девяносто процентах случаев свидетельствует о том, что вы имеете дело с законом.

Ринсвинд почувствовал, как чьи-то руки обшаривают его карманы.

К ругани присоединился кто-то еще. Поле зрения Ринсвинда было ограничено несколькими дюймами аллювиальной равнины, но из контекста волшебник заключил, что этот второй — крайне несимпатичный человек.

Ринсвинда рывком вздернули в вертикальное положение.

Местные стражники во многом напоминали тех стражников, с которыми Ринсвинд не раз встречался за время своих странствий. Они обладали интеллектом, как раз достаточным, чтобы сначала избить человека, после чего швырнуть его в яму со скорпионами. И судя по всему, в детстве их так и не сумели отучить громко орать человеку прямо в лицо.

Некоторую сюрреалистичность происходящему придавал тот факт, что у самих стражников лиц не было. По крайней мере, так казалось на первый взгляд. На их богато украшенных и отделанных черной эмалью шлемах были нарисованы гигантские усатые морды. Открытым оставался только рот обладателя шлема — чтобы можно было, к примеру, обзывать Ринсвинда ящиком низменного помета золотой рыбки.

Перед его лицом замелькало «КАК Я ПРОВЕЛ ОТПУСК».

— Мешок тухлой рыбы!

— Понятия не имею, что это такое, — забормотал Ринсвинд. —

Один человек посоветовал почитать...

— Подножье чрезвычайно скисшего молока!

— Слушай, а можно чуточку потише? Кажется, у меня уже барабанная перепонка лопнула.

Стражник притих — скорее всего, потому, что задохнулся от собственных криков. Ринсвинд воспользовался передышкой, чтобы оглядеться.

На дороге стояли две повозки. Одна из них была, по всей видимости, клеткой на колесах; сквозь прутья виднелись лица людей, с ужасом взирающих на Ринсвинда. Вторая представляла собой богато украшенный паланкин, который несли восемь крестьян.

Плотные занавеси паланкина были задернуты, однако Ринсвинд заметил, что в одном месте они чуть-чуть разошлись — видимо, чтобы кто-то внутри мог его рассмотреть.

Стражники тоже это заметили и как-то смешались.

— Я могу все объяс...

— Молчать, свалка уродливых...

— Черепаха, золотая рыбка и, гм, если, конечно, я правильно понял, сыр уже были, — услужливо подсказал Ринсвинд.

— Свалка куриных глоток!

Из-за занавески показалась длинная тонкая рука и подала едва заметный знак.

Ринсвинда рывком подтащили к паланкину. Руку украшали самые длинные ногти, которые ему когда-либо доводилось видеть у кого-либо, кто не мурлыкает и не мяукает.

— Каутау!

— Не понял? — переспросил Ринсвинд.

— *Каутау!*

Сверкнули мечи.

— Я не понимаю, что вы от меня хотите! — возопил Ринсвинд.

— Каутау. Пожалуйста, — прошептал голос у самого его уха.

Голос этот не отличался особым дружелюбием, однако по сравнению со всеми остальными голосами он звучал как нежная песенка. Создавалось впечатление, что обладатель голоса — довольно молодой человек. И этот человек очень неплохо говорил по-морпоркски.

— Кау *что?*

— Ты не знаешь значения этого слова? Падай на колени и прижимайся лбом к земле. Если хочешь когда-нибудь еще раз надеть шляпу.

Ринсвинд чуть помедлил. Он родился свободным морпоркцем, а свободные морпоркцы — очень гордые люди, они никогда не встанут на колени перед каким-то, не хотелось бы слишком сильно это подчеркивать, *иностранцем*.

С другой стороны, свободные морпоркцы, может, и стали такими гордыми потому, что им не рубят головы направо-налево.

— Так-то лучше. Отлично. А откуда ты знаешь, что при этом нужно благоговейно трепетать?

— О, это я сам сообразил.